

СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1979

**МЦХЕТА:
ГОРОД-ТРУЖЕНИК,
ГОРОД-
МУЗЕЙ**

СУДЬБА ПОЧИНА

Работать без отстающих.

Лицевые счета эффективности.

Пятилетнее задание бригады — меньшим составом.

Десятую пятилетку отличают широкий размах трудового творческого поиска, ценные патриотические инициативы. Массовое движение комсомольцев и молодежи страны «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых!» заняло достойное место в общенародном социалистическом соревновании за претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС.

Каждый почин, каждая инициатива проверяются жизнью. И этот экзамен выдерживают те начинания, которые отвечают на коренные запросы экономического, социального, нравственного развития. На ноябрьском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отмечал:

«Нам не нужны надуманные «почины». Нам нужны деловые, действительно идущие из гущи масс инициативы, способные зажечь, вдохновить миллионы людей. Один из них — работать без отстающих. Именно такие починны и надо распространять».

Жизненность починов — в их массовости. Они преобразуют трудовые процессы, ведут к новым свершениям, дают возможность каждому работнику проявить себя полнее и глубже, ибо — как сказано в Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» — «...рекордные показатели новаторов — не самоцель, а важнейшее средство мобилизации трудовой энергии масс на повышение производительности труда, мощный резерв повышения эффективности производства и качества работы».

Как развивается почин? Как оказывает влияние на микроклимат трудового коллектива? Как в конечном счете поднимает людей, уровень их деловой и гражданской ответственности? Этими вопросами мы задаемся в подборке материалов из Ростова-на-Дону, Свердловска, Подмосквья.

Из резолюции, принятой «Главметаллом» ВСНХ от 1 августа 1925 года: «Признать, что Ростов-на-Дону в будущем должен стать одним из главных пунктов производства с.-х. инвентаря. Проектирование завода необходимо начать немедленно».

Несерьезным назвали иностранные специалисты план большевиков за пять лет создать сельскохозяйственное машиностроение.

— Комбайны, плуги и жатки будут по-прежнему идти в Россию из Америки, — заявлял представитель фирмы «Джон Дир» господин Хамосон.

Трудно представить, что сказал бы господин Хамосон по этому поводу в наши дни, когда ростовские «Нивы» превосходно акклиматизировались как на российских полях, так и на полях Канады, Европы, Африки — в сорока странах мира...

О каком бы периоде полувековой биографии «Ростсельмаша» мы ни говорили — не обойдемся без слова «первый». Первый советский комбайн; первые в стране сквозные бригады, сыгравшие огромную роль в становлении завода; первый «Гран при» на международной выставке для русского комбайна... В наше время рабочие «Ростсельмаша» — одни из первых, вместе с рабочими других заводов Ростова и Таганрога, начали движение под девизом «Работать без отстающих».

— Нам иначе нельзя, — сказал генеральный директор объединения «Ростсельмаш» Юрий Александрович Песков, — ведь мы находимся на острие

зерновой проблемы. Вспомните пословицу: «Будет хлеб — будет и песня». Не выполняя план, выпуская брак, мы отнимаем у людей песню...

Завод вышел на высокий темп — более 200 комбайнов в сутки; в 1978 году сделал сверх плана полторы тысячи машин. Отстающих на заводе нет — ни участков, ни цехов. Ни одного комсомольца или комсомольско-молодежной бригады. Это может показаться маловероятным, тем не менее факт есть факт.

Итак, задача выполнена, и девиз «Работать без отстающих» сегодня уже не актуален?

Прежде всего необходимо четко представить, о чем пойдет речь. На первый взгляд все ясно: работать без отстающих — это значит не иметь предприятий, цехов, бригад, не выполняющих план. Но давайте уточним: какой именно план? По выпуску продукции, по реализации, по качеству, по номенклатуре, по внедрению новой техники? Или сразу по всем многочисленным показателям, вместе взятым? Ростовчане — практичные люди и на первом этапе ставили перед собой сравнительно узкую задачу — не иметь отстающих по трем показателям: общему объему производства, реализации продукции и производительности труда. Вот этот этап практически пройден, но наступает новый значительно более сложный — работать без отстающих по всем показателям. Так что точку ставить рано.

Квартальные, месячные сводки... Полный порядок — все заводские подразделения с планом справляются. Не

партийную и комсомольскую организации нынче не меньше интересуют и другие сводки: недельные, суточные, в которых еще далеко не все выглядит благополучно. Не такая уж редкость, когда больше половины продукции сдается в последней декаде.

Одна из причин, по которой происходит аврал, всем хорошо известна — в начале месяца чего-нибудь да не хватает: то деталей, то сырья. Но вот что интересно... В конце концов само понятие «месяц» весьма относительное: просто мы для удобства отсчета условно разделили год на двенадцать отрезков; сам же бег времени непрерывен и равномерен. Почему же именно к концу месяца находятся детали, сырье, материалы, которых не было вначале? Любопытно бы проделать эксперимент: перенести календарь на пятнадцать дней вперед — тогда аврал придется на середину месяца или автоматически передвинется тоже?

Так или иначе, а в нашем хозяйстве

все предприятия связаны с поставщиками и потребителями — у одного «Ростсельмаша» их сотни. Самая тесная кооперация у него с Таганрогским комбайновым заводом. Предположим, если ростовчане отправят в Таганрог шнеки для комбайнов 29-го числа, то месячный план они выполнят, но таганрогцам все дело сорвут. Отсюда резонный вывод: можно ли в таком случае говорить, что завод работает без отстающих? В широком смысле нет. Вот поэтому, освоив первый этап почина, ростовчане ввели в число главных показателей соревнования соблюдение договорной дисциплины. Второй этап развития почина можно сформулировать так: не просто дать план, а дать его в четком ритме. Оттого и повышенное внимание к суточным графикам.

Развивая почин, ростовчане условились: давайте прежде всего получше разберемся в собственном хозяйстве, посмотрим, где и в чем сами себя подвядим. Они заведомо осложнили се-

Работать
без
отстающих

Владимир АНИСИМОВ

ЗА И ЗАК

Фото Юрия УСТИНОВА

бе жизнь самым пристальным контролем, скрупулезным выискиванием «узких мест» и беспощадной критикой. Даже в день, когда стало известно о занесении завода на Всесоюзную доску почета, на собраниях и деловых совещаниях вскользь говорилось о растущем суточном темпе выпуска комбайнов и очень подробно — о том, что мешает выдерживать ритм поставок.

Партком завода проводил тщательный анализ неритмичности, который показал, что многие трудности вызваны не столько внешними, сколько внутренними причинами. Мешало прежде всего то, что далеко не все сумели быстро перестроить работу, как того потребовали новые условия соревнования. И если кто-то позволял себе хоть на день расслабиться, «отдохнуть» — это моментально отзывалось по всей технологической цепочке.

— Вчера, например, мы были загружены полностью, — рассказывал мастер Геннадий Чеков из первого механосбо-

лины. Как следствие... И в то же время как причина. Люди трудятся хорошо, потому что организация труда на высоком уровне, а организация труда на высоком уровне оттого, что люди трудятся хорошо. Эта взаимосвязь экономической и нравственной сторон ростовского почина настолько тесна, что трудно разграничить, где кончается одна сторона и начинается другая.

...Немало сил пришлось приложить партийной организации, чтобы преодолеть психологический барьер, доказать, что работать без отстающих можно. От партийных, комсомольских работников люди получили не формальное одобрение почина (печальный опыт с кузнечно-прессовым многими научил), а настоящую, конкретную помощь. Многие вспоминают, как такая своевременная помощь буквально преобразила целую бригаду молодого мастера Саши Могилевского, которая совсем недавно еще была притчей во языцех. Мастер, выпускник института, от работы не бежал; не

ЗАГАДКИ КАЛЕНДАРЯ И ЗАКОН ГРАФИКА

рочно, — зато сегодня делать нечего. А все потому, что нет заготовок. Особенно кузнечно-прессовый корпус подводит... Видишь график? Вот эту деталь еще не начинали делать, хотя в целом идем с опережением графика. А вообще-то обидно: из-за разных мелочей теряем задел, который с таким трудом создавали. Если взять всю пятилетку в целом, мы только Григорию Михайловичу Мухину, соседу нашему, уступаем. А посмотреть показатели за прошлый год — то пятое, то десятое место!

Говорил о том же и партгруппорг, молодой токарь Сергей Савинов:

— Почему я сейчас могу сидеть и спокойно разговаривать? По той же причине, что и Геннадий Анатольевич. Сходил в кузнечный, спрашиваю: где заготовки? Оказывается, штамп не работает. Мастер туда временного рабочего поставил, а он штамп загнал. Иду в метизный — там заготовки для валов готовы, но нет транспорта, чтобы их доставить. Еще полбеда, когда смежный цех рядом, — можно, на худой конец, взять тачку и перевезти. А если он на другом конце завода?

Положением в кузнечно-прессовом по поручению парткома специально занимался комитет комсомола. Получилась вот такая картина: по итогам месяца все план выполняют и здесь, но ежедневно ритма нет, отчего страдают смежные цеха. Ритма же нет и потому, в частности, что есть факты прогулов. Раз человек гуляет — его дневная норма остается невыполненной, и пусть себе Чеков нервничает, заготовок в этот день в полном объеме он не получит... Комсомольцы сделали сравнительную проверку и по другим цехам. Подтвердилось: те цеха, что формально подошли к распространению почина, и пополняют «ряды» нарушителей дисциплины. В тех же цехах, где сумели наладить организацию труда, контроль за развитием почина, как следствие — постоянно сокращение любых нарушений трудовой дисципли-

гнушался, если надо, засучить рукава и полезть в станок. Но, несмотря на все его старания, не уменьшались провалы планов, прогулы, один за другим увольнялись рабочие. Вот за все это и записали ему выговор на комсомольском бюро. К чести комсомольцев цеха, выговором не ограничились, а задумались: от чего же все-таки постоянные неудачи? Кто-то говорил: Саша не может организовать работу, потому что участок новый, на нем «собрали» все трудные детали, которые по разным причинам не получались в других цехах. Но тут уж менять что-то комсомольцы цеха не могли, а пришли в партбюро с таким предложением: надо помочь Саше людьми, которые не убежали бы при первых трудностях. Назвали кандидатуры: токарь Сергей Савинов, наладчицы Нина Фролова, Маша Фисунова. Все они дали согласие перейти к Саше из своих прежних, испытанных бригад. Партбюро комсомольцев поддержало. У Могилевского новое пополнение не совершило какого-то переворота, но стало тем костяком, вокруг которого сплотилась вся бригада. «Новички», основавшие в бригаде ядро партгруппы, поставили жесткое условие: дисциплина, порядок — самые строжайшие. Вот так люди ликвидировали беспорядок, а уж потом им приходилось только «смазывать шестеренки» завертывшейся машины производства. Сейчас бригада Могилевского наступает на пятки лучшей на заводе бригаде — комсомольско-молодежному коллективу Мухина. Теперь уже сама организация труда не дает людям расслабиться.

Ну, а когда бывает нужда у рабочего поделиться наболевшим, обменяться мнениями по поводу разных неполадок в цехе с секретарем парткома, директором, то для этого не надо записываться на прием, ждать у дверей кабинета, наоборот, рабочие «принимают» руководителей. По точному графику проводится «День цеха» — когда директор с группой главных специалистов приходит на

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1254) АВГУСТ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: юность древней Мцхеты.

Фото Сергея ВЕТРОВА

- 1 ИНИЦИАТИВА И ЖИЗНЬ. СУДЬБА ПОЧИНА. Владимир АНИСИМОВ. «ЗАГАДКИ КАЛЕНДАРЯ И ЗАКОН ГРАФИКА».
- 2 Алексей БОГДАНОВ, инженер. «ЗОЛОТО «АРИАДНЫ».
- 4 Валерий КРАСНОВ. «ПОТЕРЯ ИЛИ ПРИОБРЕТЕНИЕ?»
- 5 Стихи Раима ФАРХАДИ.
- 6 С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН. Валентин ЧИКИН. «ВЛАДЕТЬ ОРУЖИЕМ МАРКСА».
- 8 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 9 Три новеллы Рустема КУТУЯ.
- 12 Дмитрий ШПАРО, начальник экспедиции к Северному полюсу. «ЛЫЖНЯ НА ПОЛЮС».
- 14 Станислав ТОКАРЕВ. «КАКИЕ ОНИ ДЕТИ — ИМ ПО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ УЖЕ!»
- 16 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. «МЦХЕТА». Фотоочерк Ии МЕСХИ и Сергея ВЕТРОВА.
- 18 Сатирический рассказ Владислава ПОБЕДОНОСЦЕВА «ХОЗЯЕВА».
- 22 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Агата КРИСТИ. «ЧАЕПИТИЕ В ХАНТЕРБЕРИ».
- 24 АВТОБИОГРАФИИ. Игорь МОИСЕЕВ, народный артист СССР. «МОИ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ТАНЦА».
- 30 АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор И. А. Кузьмина.

производство, собирает мастеров и рабочих. Любой человек может задать любой вопрос — от работы заводского транспорта до строительства нового цеха — и тут же получить четкий ответ: когда и что намечено сделать по этому вопросу.

Конечно, цель «Дней цеха» не только в том, чтобы составить список претензий к инженерной службе, но и в том, чтобы вместе подумать над задачами дня сегодняшнего. Для работы без отстающих по всем показателям мало чисто технических решений проблем. Ведь и на отличном оборудовании, при хорошем снабжении можно делать свое дело кое-как.

Возьмем знакомую, увы, ситуацию: один работник, не мудрствуя лукаво, вносит в свои обязательства «среднеполочные» цифры. Второй, недолго думая, переписывает по готовому образцу. В итоге рождаются такие общие «обязательства», которые превращают соревнование в пустую формальность. Значит, инженерное решение проблемы без общественной поддержки — еще полдела.

Ставшая законом на «Ростсельмаше» защита обязательств расставила все по своим местам. Рабочий защищает обязательства перед бригадой, бригада — перед цехом и так далее. На защите присутствуют специалисты, и не дай бог прийти сюда неподготовленным или с «дутьими» обязательствами! Представитель одного из цехов пытался защитить обязательства, в которых снижение себестоимости продукции оказалось меньше, чем в плане. Разумеется, был мгновенно «разоблачен», потому что обязательства утверждались не в узком кругу, а в присутствии всех главных специалистов завода.

Защищают свои обязательства и комсомольские организации завода. Секретарь комитета комсомола механосборочного производства Владимир Григорьев рассказывал:

— У нас не обошлось без поправок... Мы в своих обязательствах записали: «Добиться сдачи продукции с первого предъявления на 96 процентов», — а мне в завкоме комсомола говорят: как же так, дорогой товарищ, мы собираемся готовить «Ниву» на Знак качества, а у тебя обязательство ниже заводского. Можете взять 98 процентов? Пришлось думать... Пункта о создании сквозных бригад вначале вообще не было. Собравшись в комитете, мы пришли к выводу, что это неправильно. «Ростсельмаш» — родина сквозных бригад, но в последние годы это движение несколько затихло. Кому же, как не нам, возродить сквозные бригады? Для начала создадим шесть таких бригад, поставим задачу — наладить ритм работы по всей технологической цепочке. Взаимные претензии заменить взаимопомощью...

— Выбросить бы все эти лишние починки — работать только легче станет! — обронил в сердцах кто-то из мастеров.

Надо пояснить, о чем шла речь. На ростовском подшипниковом заводе зародился новый почин: организовать учет работы каждого станка при помощи паспорта эффективности. В паспортах и на специальных вкладышах, вешенных у станков, мастер и наладчик отмечают все простои оборудования с точностью до минуты, указывают причины. Этот почин поддержали и ростсельмашевцы. Но... однажды авторитетная комиссия побывала на механосборочном производстве и отметила, что почин внедрен весьма формально: в некоторых цехах у станков вообще нет вкладышей, в других они заполнены почему-то одним почерком.

У мастеров на этот счет оказались разные мнения. Одни просто не видели смысла в паспортах, другие ссылались на недостаток времени. Их прохладное

отношение к новому почину начало объясняться, когда я узнал, что ростсельмашевцы поддержали 12 разных почин — их и упомянуть-то все трудно, не то что внедрять! Тогда и была произнесена фраза о том, что надо оставить один почин: «Работать без отстающих», — а все «лишние» выбросить. С этими сомнениями я и пришел к секретарю парткома Анатолию Николаевичу Котову.

— А зачем нам отказываться от почин, таких, как, скажем, «Каждому станку — паспорт эффективности» или «Ручной труд — на плечи машин»? — спросил Котов. — Ведь в принципе все это действительно полезные инициативы. Другое дело, что количество почин само по себе не всегда переходит в качество, и тут опасения некоторых товарищей можно понять. Проблема действительно существует: проблема поддержки почин и контроля за внедрением его в жизнь. Признаться, проконтролировать трудно, тем более что эта задача ложится прежде всего на мастера, а его рабочий день очень плотен. Уделять равное внимание всем двенадцати починам просто невозможно. Другая грань проблемы — отчетность. У каждого почин — свои критерии, своя система показателей. Значит, приходится готовить итоговые цифры по двенадцати разным позициям. Будем откровенны: это нереально, если серьезно отнестись к каждому почину. Есть ли пути решения проблемы? Частичное решение: объединить почин, которые в чем-то дублируют друг друга. Скажем, планы ТЭКК (техника, экономика, качество, коммунистическое воспитание) в некоторой части схожи с лицевыми счетами экономии. Полное решение: направить различные почин в одно русло. То есть выработать единые критерии оценок по всем починам, свести все показатели в единой таблице под девизом «Работать без отстающих». Мы уже начали эту работу: вместо того, чтобы решать множество разрозненных задач, поставили одну, но всеобъемлющую.

Каждый отдельно взятый почин должен «работать» на общую идею. Почему, например, партийная организация завода старается развивать инициативу одного из наших мастеров, выступившего с предложением отработать пятилетку стабильным составом бригады? Потому что от этого зависит выполнение наших планов: где текучесть кадров — там неизбежны срывы. Мы специально проводили переезд мастеров — руководителей бригад. Проверили знание техники, психологию, основ воспитания. И, надо сказать, представление о мастере во многом изменилось. Если мы раньше знали только, что мастер Н. всегда выполняет план, то теперь больше внимания обращаем и на то, какой ценой он это делает. Если мастер позволяет себе грубость, окрик, выполняет план за счет сверхурочных — бригада никогда не раскроет свои подлинные возможности. Ведь состояние производства и моральный микроклимат в бригаде взаимно влияют друг на друга, причем микроклимат можно даже поставить на первое место. Если мастер одного обидел, другому во время не выдал задание, третьего незаслуженно наказал — вот вам и текучесть, и нервная обстановка, и неудовлетворенность делом, при которых о высокой производительности, культуре труда и говорить не приходится. Текучесть кадров во многом зависит от взаимоотношений, которые мастер создал в бригаде. Почему у мастера, коммуниста Мухина всегда отличные показатели? Потому что стабильный состав бригады. А почему он стабилен — особые условия, сверхвысокие заработки? Нет, они на участке Мухина такие же, как и у других. Но Мухин по-настоящему заботится о рабочем, прекрасно знает своих людей (даже такие «мелочи» — у кого когда

день рождения, когда свадьба) — зачем же им уходить от него?

— На «Ростсельмаше» во многих цехах можно увидеть лозунг «Каждой минуте — рабочий счет». С одной стороны, считаются минуты, с другой — теряются часы, когда мастер подолгу ждет заготовок...

— У нас введено новшество в соревновании, пока, правда, в виде эксперимента. На открытое собрание в цехе, где подводятся итоги соревнования бригад, стали приглашать мастеров из смежного цеха. Здесь мы преследуем цель воспитательную — пусть мастер-смежник, если он не вовремя поставляет заготовки, послушает, в чем и когда подвел своих коллег. Заметьте: это разговор не с глазу на глаз между двумя мастерами, ответ надо держать перед всем собранием. Может быть и наоборот: мастер-смежник заявит на собрании, что «такой-то ваш товарищ сдерживает работу моего цеха». Реакция бывает очень бурная: как это так, «чужой» мастер тут распоряжается, кому какие места давать! Но мы сознательно идем на обострение ситуации: когда отойдут первые «страсти» — останется понимание общей обстановки, интересы человека перешагнут границы своего станка, своего участка.

Что касается объективных причин простоев... Вы, наверное, обратили внимание на интенсивное движение машин и тракторов по заводу? Все они заняты перевозкой деталей. Старые корпуса расположены не лучшим образом, так, что каждая деталь, прежде чем попасть на сборку, проходит по технологической цепочке несколько цехов, расположенных довольно далеко друг от друга. Но скоро вы не узнаете нашего завода. «Ростсельмаш» — Всесоюзная ударная комсомольская стройка, и работает на ней буквально вся страна. Мы уже приняли несколько комсомольских отрядов, направили их на важнейшие объекты. Одна из главных целей реконструкции — сократить перевозки, организовать производство по замкнутому циклу с тем, чтобы каждая деталь попадала на сборку кратчайшим путем и в нужный час. С таким расчетом ведется строительство новых корпусов.

Не все проблемы замыкаются внутри завода. Чтобы сделать комбайн самого высокого качества — нужны усилия многих предприятий-поставщиков. Ростовчане решили добиваться присвоения Знака качества «Ниве», и по их приглашению в Ростове собираются представители двадцати двух предприятий и заключают «Договор о социалистическом сотрудничестве». Главное условие сотрудничества — четкий ритм поставок и качество. Харьковские машиностроители должны аттестовать двигатели на Знак качества, тульские — добиться того же для жаток, ростовские и таганрогские — внедрить комплексную систему управления качеством. Это естественное продолжение почин, потому что ему «тесно» в рамках одного завода, города, даже области. Расширяется поле деятельности и комсомольской организации «Ростсельмаша», разработавшей совместный договор с комсомольцами Таганрогского комбайнового завода, харьковского «Серпа и Молота», завода «Таджикгидроагрегат», ростовского подшипниково-... Во что в перспективе выльется сотрудничество? Качество комбайна — не просто качество определенной машины. Это в конечном счете качество уборки урожая: без поломки, без потерь, быстрыми темпами. Это солидная прибавка в хлебные запасы. Не случайно ростовские машиностроители говорят сегодня о хлебе и песне...

А на повестку дня уже сегодня встает другая проблема: работать не только без отстающих, но и без «середняков». Новая, более высокая ступень почин.

На выставке в чехословацком городе Брно ткань «Ариадна» производства нашего комбината завоевала золотую медаль. Ткань очень популярная, да вот, к сожалению, в магазинах достать ее непросто — выпускаем маловато...

Если взять объем нашей лучшей продукции, удостоенной Знака качества, то он весьма высок — 35 процентов от всего выпуска тканей. Но эта же самая цифра говорит и о тех резервах, которые у нас есть, о том, что «потолка» в отношении качества работы мы еще не достигли.

Не все резервы можно заложить заранее в производственный план: многие из них вскрываются уже в процессе работы, в ходе социалистического соревно-

Лицевые счета эффективности

вания. Но вот в какой-то момент мы стали замечать, что наших работников перестал устраивать такой показатель в соревновании, как процент.

Как определяется победитель? Обычно по проценту выработки. У кого он больше, тот и впереди. Но всегда ли это объективно и убедительно?

Соревнуются две бригады (или две ткачихи). У первой выработка наибольшая, но часть ткани пошла вторым и третьим сортами. У другой выработка несколько ниже, но зато меньше второго сорта и вообще нет третьего. Как сопоставить их результаты? Могут сказать, что по каждой позиции надо начислять или убавлять баллы — и все в порядке. Все ли?

Это чересчур сложная и малопонятная система. Когда она существовала у нас на комбинате, многие рабочие четко не представляли, каким образом и за что начисляются баллы. Та система, которая действует на комбинате сейчас, главным показателем работы поставила рубль. Только-то и всего? Но не торопитесь с выводами...

Первыми начинали работать по новому две комсомольско-молодежные бригады — помощника мастера Евгения Борисовича Забалуева из прядильного цеха и его коллеги Федора Борисовича Липатенкова из ткацкого; а теперь все соревнующиеся помощники мастеров имеют книжки с названием «Социалистические обязательства бригады на основе лицевого счета эффективности». Книжка содержит четыре, условно говоря, раздела.

Раздел первый: количество продукции. Здесь, разумеется, учитываются метры ткани, килограммы пряжи, но конечный результат записывается в денежном выражении — это стоимость сверхплановой или, наоборот, недоданной продукции. Когда началось соревнование на основе лицевого счета, многие молодые помощники мастеров пошли на отстающие участки, и одним из первых был комсомолец Сергей Яшков. В новой бригаде он прежде всего привел в полный порядок станки, с карандашом в руке проанализировал работу каждой ткачихи и всей бригады по лице-

вым счетам эффективности. Результат — бригада стала победителем соревнования в честь 60-летия ВЛКСМ...

Второй раздел — выпуск продукции первого сорта в сравнении с планом. Понятно, что стоимость первого и второго сортов неодинакова. Выпустила бригада 100 процентов ткани первым сортом — не потеряла ни копейки; каждый метр ткани второго сорта ухудшает экономические показатели бригады. Конечно, лицевой счет сам по себе еще не гарантия, что не будет второсортной продукции, исчезнет брак. Но лицевой счет активизировал всю систему управления качеством, в том числе и комсомольское звено в этой системе. Штабы качества стали не только регистраторами плохой работы, но начали непосред-

переставить станки по-другому. Теперь ткачиха работает нормально.

Третий раздел лицевого счета — использование сырья. Тут также действует закон разницы цен между сырьем и отходами. Все очень просто: меньше отходов — больше экономия. Увеличатся отходы — сведется на нет экономия от перевыполнения плана, повышения сортности. Вообще-то и прежде учитывалась экономия сырья. Но как? Только за весь квартал и по целому участку. Для помощника мастера, руководителя бригады это не было главным. Теперь экономия сырья стала наравне с другими показателями определять качество работы бригады.

Помнится характерный случай... У трех прядильниц в конце месяца ока-

До введения лицевых счетов, когда не всегда можно было учесть, какой ценой дается перевыполнение плана, помощнику мастера выгодно было держать в бригаде побольше людей. Нынче он задумывается: сокращение даже одного человека выльется в немалую экономию средств. Один из наших лучших бригадиров, Василий Александрович Кондрашкин, рассказывал, что ему самому работать стало интереснее, и такую же заинтересованность он чувствует в бригаде. Стараясь обходиться меньшим числом людей, он так организует работу, чтобы равномерно распределить нагрузку, наладить взаимозаменяемость. Например, если одной из прядильниц предстоит заправка машины, он направляет ей в помощь всю бригаду.

мажке, а стимул к повышению эффективности, качества, режима экономии. В нем учитываются все стороны деятельности рабочих, поэтому вокруг лицевых счетов сконцентрированы все виды материального поощрения. Премии за 1—3-е места в соревновании увеличились вдвое благодаря повышению эффективности и получению за счет этого дополнительной прибыли. Как видите, в лицевом счете все тесно взаимосвязано: человек — производству, производство — человеку...

Уже первые месяцы работы по лицевым счетам дали неожиданные результаты — в том смысле, что нам пришлось произвести определенную переоценку ценностей: те бригады, которые почти традиционно числились передовыми, показались в несколько ином свете, а бывшие вечно средними вдруг вырвались на первое место. Впрочем, так ли уж «вдруг»? Раньше, по «процентной системе», мы считали лучшей бригадой ту, которая дала большую выработку, то есть видели только конечный результат, а не средства, которыми он достигнут. Было, например, выпущено много ткани, но немало пряжи пошло в отходы, перерасходовано сырье, катушки, смазочные материалы. Даже в передовой бригаде Забалуева в первый месяц работы по лицевому счету выявились скрытые недочеты.

Чтобы работать по-новому, надо было и подготовку, учебу рабочих организовать по-новому. Для этого мы создали участки высокой эффективности. На них отрабатываются новые приемы и методы труда, реализуются творческие планы инженеров; эти участки становятся эталоном, школой передового опыта для рабочих всего комбината. Было бы ошибкой думать, что действующая система — нечто идеальное, навечно застывшее. Остановиться в развитии — значит, безнадежно отстать от жизни, которая постоянно ставит новые проблемы. В одиночку нам с ними трудно справиться, поэтому мы ведем постоянный обмен опытом между предприятиями, в котором активно участвует и наша молодежь. Например, ткачиха Татьяна Старостина, делегат XVIII съезда ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола, член ЦК ВЛКСМ, побывала на Ивановском камвольном комбинате, познакомилась со знаменитой ткачихой Валентиной Голубевой. Осмотрела ткацкий цех, быстро прикинула, что и у нас можно увеличить производительность труда, если расставить станки так, как у ивановцев. Вернувшись домой, пришла со своим предложением к заместителю начальника производства. Инженеры тщательно проработали Танино предложение, и она смогла расширить свою зону обслуживания с 10 до 12 станков.

Как-то «Смена» писала о проблеме наставничества в текстильной промышленности («Вокруг новичка», 1978 г., № 12). Напомним коротко ее суть: в наставники к молодым обычно прикрепляют лучших работников, но ведь у лучших — самые высокие планы, обязательства, и поэтому им не хватает времени заниматься с новичками. У нас такой проблемы нет. Опытная работница всегда трудится рядом с новенькой, в любой момент объяснит, что нужно, поможет. А главное — она лично заинтересована в работе подшефной, поскольку в лицевом счете самое важное — общий бригадный результат.

Лицевые счета позволили нам определить конкретный вклад комсомольцев в общее дело.

Например, в прошлом году комсомольский фонд экономии составил 125 тысяч рублей. Сейчас все 37 комсомольско-молодежных бригад трудятся по лицевым счетам эффективности. Семь из них обязались выполнить пятилетний план к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Алексей БОГДАНОВ,
инженер,
секретарь комитета ВЛКСМ
Монинского ордена Ленина
камвольного комбината.

ЗОЛОТО «ПРЯДАЛЫ»

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

ственно участвовать в ликвидации причин брака.

Вот, например, Наташа Бочарова работала на ткацких станках СТБ. Кто только не ругал ее за плохое качество ткани; этим заинтересовался комсомольский штаб качества, и после его вмешательства девушку перевели на станок «Новостав». И что же? Словно подменили Наташу. Ни одного нарекания, все получается. Или другой случай. Молодой ткачихе попался неудобный комплект — все станки в один ряд. Девушка нервничала, торопилась, нередко допускала брак. Комсомольцы из штаба качества предложили начальнику цеха

заялся перерасход сырья. Может, раньше на это не обратили бы особого внимания, но теперь забеспокоился бригадир и вся бригада — ведь ухудшался общий лицевой счет. Выяснили причины: оказалось, прядильницам попала неважная партия сырья; кроме того, они не слишком регулярно чистили оборудование. И в довершение всего не соблюдался температурно-влажностный режим из-за плохой работы вентиляции. Заметьте: поиск причин начался по инициативе самой бригады...

И, наконец, четвертый, очень важный раздел — производительность труда и полученная от нее экономия.

Вместе они проводят заправку в считанные минуты, а затем возвращаются по своим местам. Лицевые счета позволили увеличить число многостаночников, расширить зоны обслуживания — причем не за счет увеличения физической нагрузки, а за счет организации труда.

Поскольку все четыре раздела «приведены к общему знаменателю» — рублю, то в конечном счете несложно сделать простейший арифметический подсчет и вывести итоговую экономию или перерасход. Иначе говоря, общий показатель сделанной работы. И этот показатель — не просто цифра на бу-

Пятилетнее задание бригады — меньшим составом

Валерий КРАСНОВ

ПОТЕРЯ ИЛИ ПРИОБРЕТЕНИЕ?

Вячеслав натянуто улыбнулся и как-то смущенно сказал: — Нет, в «Промстрое» я уже не работаю — на инструментальном заводе осваиваю специальность токаря. Вроде получается.

— Но ты же мне говорил, что строить нравится, что бригада стала родной. А через месяц ушел...

— Моя родная бригада, — Вячеслав сделал ударение на слове «родная», — теперь выполняет пятилетку в меньшем составе. Без меня. Я им, видите ли, лишним показался. Давай, мол, Слава, в другую бригаду. Ты там нужнее, а мы за тебя будем норму выполнять. А подумали они о том, кто мне нужен? Что я, мастерок — куда захотели, туда и бросили?

Вячеслав еще долго изливал душу.

Надо признаться, эта встреча меня несколько обескуражила. Рожденный в Свердловске почин «Пятилетнее задание бригады — меньшим составом» получил уже широкое распространение, принес реальную пользу, и вдруг «жертвой» этого почина становится молодой каменщик треста «Свердловскпромстрой», на которого как на профессионала уже серьезно рассчитывали. Естественно, возникло желание выяснить, в чем тут дело. Но прежде — о самом почине.

Родился он так. Десять передовых строительных бригад области — восемь из них были комсомольско-молодежными — выступили с призывом ко всем строителям выполнить пятилетку меньшим составом. И хотя уже через несколько дней бюро Свердловского обкома партии, а затем бюро обкома комсомола одобрили почин и призвали «развернуть широкую организаторскую и политическую работу» по его распространению, далеко не все сразу поняли суть нового движения. Даже спустя два месяца на заседании рабочего совета в обкоме комсомола секретарь комитета комсомола треста «Свердловскпромстрой» Сергей Панкратов выразил такую мысль:

— Зачем уменьшать численность? Лучше той же самой бригаде, например, из двадцати человек, дать задание, рассчитанное на двадцать два человека. Вот и получится, что она выполняет задание меньшим составом.

Ему возражали: суть почина не в том, чтобы только повысить производительность труда, но и в том, чтобы высвободить не условных, как предлагал Панкратов, людей, а реальных.

Надо сказать, новые обязательства инициаторов почина ставили многих в тупик. Бригада монтажников Е. Палева из домостроительного комбината решила уменьшить свой состав на три человека и одновременно повысить производительность труда на 53 процента, а бетонщики бригады В. Хмурчикова решили, работая без четырех человек, повысить производительность труда на 64 процента. И такие

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

высокие обязательства приняла вся десятка инициаторов. А чтобы показать, что это не просто слова, посмотрим, как «собирали» проценты члены комсомольско-молодежной бригады штукатуров Н. Ярушниковой из треста «Свердловскгражданстрой».

Работают они в стройуправлении № 26, и в том месяце, когда родился почин, недокомплект всех бригад управления превышал 30 человек. Бригада решила уменьшить свой состав на два человека и поднять производительность труда на 32 процента. Если учитывать малочисленность коллектива, его обязательства оказываются значительно больше тех, которые приводились выше. Из каких слагаемых они вывелись? Вот выдержка из выступления Н. Ярушниковой, опубликованного в свердловской областной газете:

«...Уровень механизации обрызга и грунтовок — первых двух слоев штукатурки — сейчас у нас составляет 60 процентов. В будущем он должен возрасти до 80, а к концу пятилетки мы намереваемся полностью механизировать эти операции. Только за счет этого выработка в следующем году должна возрасти на 1,7 процента. Особенно многого мы ждем от механизации накрывки — завершающего слоя штукатурки. Механизация накрывки уже в будущем году даст повышение выработки на 2,62 процента. Всегда «большим» вопросом на стройке является подъем материалов на этажи. Эта проблема обострилась с увеличением

высотного строительства. За счет поднятия грузов лифтами можно повысить производительность труда на 5,31 процента».

Как видите, с точностью до сотых процента рассчитывала бригада свои возможности. И этот точный расчет способствовал тому, что уже через пять месяцев она вышла на «проектную мощность». Другая молодежная бригада маляров этого же треста, которую возглавляет Е. Фоминова, набрала 8 процентов за счет соревнования по технологической цепочке — соревнования смежников.

Можно приводить еще десятки примеров. Очень быстро почин был поддержан во всех строительных организациях области. В Первоуральске в строительстве не хватало более шестисот человек, через пять месяцев — только двухсот. Оживилось движение за освоение смежных профессий.

Но за внушительными цифрами, фактами, первыми победами во многих организациях не заметили одной очень важной проблемы. Не технической — моральной. Она-то и заставила Вячеслава Кудрина уйти из треста «Свердловскпромстрой». Вспоминаю, как тихо стало на уже упомянутом нами заседании рабочего совета в обкоме комсомола, когда член совета штукатур Нина Куралова сказала:

— Ведь может случиться так, что из коллектива никто не захочет уходить. Я бы из своей бригады никуда не пошла... Ни за какие калачи...

После некоторого замешательства многие начали говорить о долге комсомола, о производственной необходимости, о сознательности и многом другом.

Горячились все, кроме одного человека. Это был заслуженный строитель, бригадир штукатуров из треста «Свердловскпромстрой» Юрий Михайлович Ефимов.

Я решил здесь же, по горячим следам, побеседовать с ним.

— Юрий Михайлович, как в вашей бригаде отнеслись к почину работать меньшим составом и выполнять пятилетний план?

— Мне думается, что подготовка к этому почину у нас, строителей, началась давно. Он не был для нас неожиданным.

— Вы имеете в виду, что и раньше из-за нехватки рабочих бригадам приходилось трудиться в меньшинстве?

— Не только. Уже четыре года в списках сотен и даже тысяч бригад области значатся герои гражданской и Великой Отечественной войны. На них ведь тоже давался план, и мы его выполняли.

— А разве сейчас уменьшенные бригады не будут включать таких людей в свой состав?..

— Обязательно будут. Не может быть прока от почина, если он ослабит патристическое и нравственное воспитание молодежи. Сложность в другом: кому уходить? Сделаю небольшое отступление. Первый квартал 77 года был для нас трудным. Мы не

выполняли норму. И если бы этот почин родился тогда, мы не смогли бы его поддерживать. Действенное совершенствование, внедрение механизации, опыт передовиков помогли нам довести в четвертом квартале выработку на одного человека до семнадцати квадратных метров обработанной площади за смену, в конце квартала даже до девятнадцати. К чему я привел эти цифры? А к тому, что любая бригада, которая решила поддержать почин, должна прежде повысить производительность труда. Многими путями это можно сделать, и один из них — переход в отстающие бригады лучших работников из тех бригад, которые поддерживали почин.

— Значит, вы за то, чтобы бригада сократила свой состав за счет передовиков?

— Обязательно. От нас в другую бригаду ушла хорошая работница, активистка. Там ее назначили бригадиром.

— Пошла на повышение?

— Да, и нам было нетрудно объяснить человеку, почему его переводят из бригады. Мы выдвигали.

— Но ведь не все захотят уходить из бригады?

— Несомненно. Но выход всегда найти можно. Назову еще один. В бригаде не хватает двух-трех человек. Это у строителей привычное явление. Пусть бригада считает, что она в полном составе. Выход? Конечно.

Итак, выход всегда можно найти... Вопрос: ищут ли его всегда?

За первые пять месяцев в трех крупнейших трестах Свердловска путем сокращения численности бригад высвободили почти 800 строителей. Но перешли в другие строительные бригады или создали новые только... около 550. Остальные 250 уволились. В чем дело? Наверняка некоторая часть из них ушла по каким-то иным причинам, но значительно больше таких, как Вячеслав Кудрин. И ушли они потому, что с ними обошлись как с предметом неодушевленным: просто переставили туда, где нужнее. Не убедив человека в необходимости такой перестановки.

Иной раз получалась просто удивительная картина. Бригадиры, прикрываясь почином, убрали из бригад худших. Из собранных худших создавали новую бригаду. Она, естественно, была нежизнеспособной — падала выработка, снижался заработок, люди уходили. Но еще хуже положение складывалось там, где «продолжатели» почин сокращали численность бригады таким способом: не брали в нее ежегодно присылаемых в управление выпускников ПТУ. Из них создавали отдельную бригаду либо отправляли в бригаду, созданную из худших. Выпускники лишались качественного наставничества, оставались в стороне от опыта передовиков, которые, конечно же, сосредоточивались в уменьшенных бригадах.

Так случалось, разумеется, далеко не везде. Значительно больше примеров другого рода. Но, к сожалению, не обошлось без издержек.

Кто должен в первую очередь обратить внимание на моральную сторону проблемы? Во время обсуждения этого вопроса секретарь Свердловского обкома комсомола Геннадий Яшин сказал:

— Ясно одно — начато большое и нужное дело. И нам, в первую очередь нам, следует всячески распространять почин.

Геннадий Яшин прав, акцентируя слово «нам», потому что подавляющее большинство из пяти тысяч комсомольско-молодежных коллективов области — передовые. А почин могут поддержать только подготовленные к нему, то есть передовики. Значит, ос-

новные события будут происходить в молодежных бригадах. А забота о них — долг комитетов комсомола. Правда, секретарь комитета комсомола треста «Свердловскгражданстрой» Сергей Панасевич считает, что все намного сложнее. С уменьшением состава необходима перестройка внутри бригады. Тем более, что уменьшение должно идти за счет лучших работников. А бригада не есть что-то автономное — она частичка, если можно так сказать, всего организма треста. Следовательно, почин требует перестройки всей организации труда.

Ясно, что даже вполне здоровому человеку нельзя добиться успехов, например, в беге, не проведя перед этим большую, планомерную тренировку. Так же нельзя слепо следовать почину, не подготовившись к нему.

Какой должна быть эта подготовка? Не будем рассуждать вообще, а обратимся к опыту тех, кто успешно следует почину. Например, комитет комсомола треста «Свердловскгражданстрой» создал специальный штаб по распространению почин. Штаб не только проверяет обоснованность обязательств той или иной бригады, но и с помощью специалистов определяет, готов ли коллектив поддержать почин. Если все, так сказать, технические требования удовлетворительны, начинается подготовка бригады к новым условиям работы. Проводится собрание, на котором любому из передовиков бригады предлагается несколько вариантов его перехода в другой коллектив: возглавить отстающую бригаду, перейти на укрепление другого коллектива, создать новую бригаду, взять и подготовить к самостоятельной работе нескольких выпускников ПТУ и т. д. Здесь ни в коем случае не переводят по принуждению. Почин не закон, и принцип добровольности соблюдается строго. Может быть, поэтому и добились в тресте значительных успехов.

Очевидно, где-то сделают и по-другому. Одного рецепта на всех быть не может, но везде должен быть творческий подход, а не удар сплеча. Ведь ситуации возникают самые различные: передовик, согласившийся возглавить отстающую бригаду, оказался плохим руководителем коллектива; лучшего работника послали учить молодежь, а он, оказывается, не умеет воспитывать...

Обычно считается, что чем быстрее подхватят почин, тем лучше. Однако не всегда скорость распространения почин прямо пропорциональна пользе, которую он приносит. Начали работать уменьшенным составом десять строительных бригад области. Через месяц их было уже 200. Еще через месяц не просто поддержали почин, а уже применили его практически свыше 350 бригад. Затем скорость несколько уменьшилась, и за два последующих месяца только 18 бригад присоединились к последователям почин. Но к этому времени их было не 368, как следовало ожидать, а меньше трехсот. Почти восемьдесят бригад, поддерживавших почин без предварительной подготовки, не выдержали нагрузки, не смогли выполнять норм и снова увеличили свой состав.

Руководитель комсомольско-молодежной бригады каменщиков Л. Никитенко случившееся объяснил так:

— Наша бригада без особых усилий может выполнять дневные нормы на 150—160 процентов. Такие выработки у нас иногда бывают непрерывно целый месяц. Но вот что характерно: производительность труда у членов бригады повышается, как правило, незадолго до завершения строительства. Почему? Да потому, что в это время всегда есть фронт работ и улуч-

шается материальное снабжение стройки. В другое же время простои, переделки и многое другое иногда не позволяют нам даже норму выполнить. Когда бригада в увеличенном составе просидит два часа в ожидании раствора, то потом она не умением, а числом нагонит отставание. Мы поддерживали почин в начале года, когда, как правило, простои велики. А потом у уменьшенной бригады не хватало сил авралами нагонять отставание.

Далеко не все воспринимают неудачу так же аналитично, как Никитенко. Многие члены бригады говорили мне, что «не потянули», «не каждому дано» и так далее. Люди переставали верить в почин, потому что руководители иных строительных организаций, ударив в литавры, продолжали работать по-старому.

Таким образом, Леонид Никитенко еще раз подтвердил приведенные выше слова секретаря комитета комсомола треста «Свердловскгражданстрой» о том, что почин требует перестройки всей организации труда, а особенно отделов снабжения треста. Конечно, перестроить все сразу трудно, а иногда и невозможно. Но создать продолжателям почин более благоприятные условия на период адаптации надо. Почин этот имеет для строителей огромное значение. Это довольно действенная попытка разрешить самую главную проблему — нехватку кадров. В тресте «Свердловскгражданстрой» настолько поверили в почин, что за счет высвобожденных людей решили даже создать новое строительное управление. И простые расчеты показали, что это возможно.

Почин уже дал ощутимые результаты. Однако успехами нельзя закрывать от проблем, возникающих на пути почин. Оправдания, что, мол, лес рубят — щепки летят, не должны никого успокаивать, потому что речь здесь — о людях.

И в заключение хотелось бы высказать несколько соображений, связанных с тем, что почин строителей вышел за пределы стройки и шагнул в коллективы промышленных предприятий. Его, например, решили поддержать комсомольцы завода транспортного машиностроения имени Я. М. Свердлова, камвольного комбината, турбомоторного завода имени Ворошилова и многих других промышленных предприятий. На Богдановичском фарфоровом заводе при помощи этого почин решили даже оживить зотга бы часть законсервированных (из-за нехватки людей) поточных линий. Но вскоре вспомнили, что это — повторение пройденного. А именно щекинского метода. А есть ли смысл начинать все заново? Может быть, лучше продолжить внедрение щекинского метода? Тем более что опыт уже есть. В данном вопросе одинаковый подход к строительным и промышленным коллективам вряд ли оправдан. Они различны не только по структуре и выполняемым задачам, но и по возможностям. Да, при развитии многостаночничества и освоении смежных профессий сокращение численности промышленных коллективов происходит по тому же принципу, что и у строителей. Но набор таких идентичных ситуаций слишком мал. Вот почему мы призываем к более осторожному, обдуманному подходу, к точному расчету.

Опробованный свердловчанами почин нашел продолжателей в других областях страны. Десятки тысяч высвобожденных строителей перешли в отстающие коллективы или создали новые. Но возврат некоторых бригад к работе в прежних составах, уход «обиженных» со строев тоже не прекратился. И это еще раз заставляет нас обратить внимание на проблему.

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии
Ленинского
комсомола
Узбекистана.

Стройка

Андижанское море
в Узбекистане
создают представители
многих национальностей
нашей Родины.

Работает интербригада!
Пятнадцать парней и девчат:
Владимир — из Ленинграда,
Микола приехал с Карпат,
Бетонщица Лайма — из Риги,
Шофер Нурахмед — из Мары,
С Урала друзья,
Из Сибири,
Из Киева, из Бухары!

Работает интербригада —
Плотина встает среди гор.
Пахнуло морскою прохладой,
И чайки летят на простор!
Раздольно звучит:
— Майна!
— Вира!
Дома поднимаются,
ГЭС...
А кто мы?
Строители мира,
Творцы и земли и небес!
А кто мы?
Из племени стойких.
Нам в жизни крылатость дана.
И спорится дело на стройке,
И стройка у нас —
Вся страна!

Яблоня

Памяти отца

*Не вернулся садовник с войны,
Ну, а яблоня, полная сил,
Расцвела в час победной весны,
Белый цвет всю долину укрыл.*

*Так стоит и поныне она,
Как невеста в фате у ворот,
И цветет, лишь наступит весна,
Дорогого, любимого ждет.*

*Осыпается с яблони цвет,
Ждет она от весны до весны.
Ждет она, а садовника нет,
Не вернулся садовник с войны.*

*Горьковатых отдавай плодов,
Если случаем в сад забредешь,
Что такое земная любовь —
Ты поймешь, ты поймешь,
ты поймешь...*

Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола.

“ВЛАДЕТЬ ОРУЖИЕМ МАРКСА”

Слово об учителе

«БУДЕМ СТРОИТЬ НОВОЕ ОБЩЕСТВО», — сказал Владимир Ильич Ленин в статье, переданной полиграфистам для безвозмездного выпуска однодневной газеты.

И этот Первомай 1920 года действительно кажется первым днем гигантской новостройки. Для Ильича он стал и исключительно насыщенным, радостным рабочим днем.

С утра всеобщий субботник-маевка. Сколько благородного энтузиазма, сколько выдержки и энергии, сколько рвения в труде проявили почти полмиллиона москвичей! Никогда и сам Ильич так врасплох не уставал от физической работы, как в это утро на Драгунском плацу; правда, кремлевские курсанты, убиравшие бревна, всячески старались сделать так, чтобы облегчить ему ношу, но неизменно встречали возражения: меня, мол, это тоже касается.

К полудню Владимир Ильич ненадолго заглянул домой — надо бы переодеться и условиться с Московским Комитетом партии о проведении встреч и митингов. Предстояло участие в двух торжественных актах — закладке памятника Карлу Марксу и памятника «Освобожденный труд»; кроме того, плотно был расписан каждый час, и можно еще ожидать, сколько возникнет ситуаций «вне расписания».

Встреча с комсомольцами-бауманцами, расчищающими площадь у Большого театра.

Беседа с фабричными рабочими и энергетиками, собравшимися на Пречистенской набережной, дискуссия на выставке в Музее изящных искусств.

Долгий открытый разговор на заветной Прохоровке — «Трехгорке».

Митинг в Рабочем доме с бауманцами. Еще митинг в Замоскворечье, в Коммерческом институте на Стремянном. И еще митинг — на этот раз у левфортовцев, на открытии Рабочего дворца, названного именем В. М. Загорского, погибшего от эсеровской бомбы миной осенью... После митингов и встреч предстояла еще вечерняя работа с протоколами Совнаркома, Совета Труда и Оборона, рассмотрение важных полномочий.

Но, пожалуй, центральным событием дня, которое

Владимир Ильич давно уже ждал, терпеливо и заботливо готовил, было чествование памяти Карла Маркса.

ВЕЛИКОМУ УЧИТЕЛЮ народ-первопроходец, революционная Россия воздают дань глубочайшего уважения — воплощают в жизнь его науку о коммунизме, самый дерзновенный из социальных проектов, и выражают свою признательность и любовь достойным увековечением памяти.

Минувшей зимой в одной из бесед Владимир Ильич вновь напомнил Луначарскому: необходимо скорее приступать к постройке памятника; и хорошо бы открытие приурочить уже к ближайшему Первомаю. Анатолия Васильевича озадачивало не столько то, что уже предельно сжимались сроки, и даже не материальные сложности, которых не перечесть, — озадачивала больше всего проблема исполнения, проблема соответствий в художественном решении. В переломное время, когда в изобразительном искусстве над всем безраздельно властвует форма, как может быть решен образ величайшего революционера?! Еще на первом конкурсе были представлены такие грандиозные проекты, которые требовали перестройки целых площадей и кварталов — об этом не приходилось и думать. Речь могла идти о лаконичной, содержательной, монументальной фигуре Маркса, которая бы естественно вписывалась в существующий ансамбль центральной площади.

Развивая эти мысли в обстоятельном письме к Владимиру Ильичу после беседы, Луначарский предлагает отказаться от проведения конкурса и доверить работу одному художнику, который «обладает большой мощью, способностью психологического анализа и в то же время является реалистом». Он называет имя 38-летнего скульптора Меркурова, представив в качестве рекомендации сработанный им монумент Достоевского на Цветном бульваре. В энергичных тонах нарком выдвигает ряд условий и ходатайствует перед Совнаркомом об особом решении. Когда такое решение, после консультации с Моссоветом, уже было принято и стали прикидывать смету, возникли семизначные цифры...

В. И. ЛЕНИН НА ЗАКЛАДКЕ
ПАМЯТНИКА К. МАРКСУ
НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ
(НЫНЕ ПЛОЩАДЬ СВЕРДЛОВА).
1920 г. 1 МАЯ, МОСКВА

Но это оказалось еще не самым тяжким впечатлением. Более тяжким было рассмотрение эскизов через полтора месяца. Как того и опасался нарком — озадачило художественное решение.

Даже такой серьезный реалист и аналитик, как Сергей Дмитриевич Меркуров, не сумел вырваться из плена гигантской символики — на площадь перед восьмиколонным фронтоном Большого театра с колесницей Анакреона он водворил неожиданно мощную кавалькаду: трехсаженную фигуру Маркса на четырех слонах. И хотя рассмотрение эскизов было для Луначарского далеко не веселым, он нашел в себе силы пошутить при объяснении с художником: «Сергей Дмитриевич, слоны не вывезли». И, кажется, охладил к своим же недавним горячим рекомендациям. На исходе февраля, считанные недели остаются до Первомая, а начинать надо заново. Заверения автора, что «первоначальный эскиз» легко исправим, совсем не оставляют никакой уверенности.

Заказ передается группе художников во главе со скульптором С. С. Алешкиным, известным пока лишь своим ученичеством у знаменитого Андреева, работами по оформлению Киевского вокзала и участием в реализации плана монументальной пропаганды. Конечно, Меркуров огорчен, всколыхнулись некоторые страсти. Он шлет в Совнарком пресердитое письмо, жаждет справедливости, готов к любым творческим состязаниям. Больше часа Владимир Ильич беседует с художником, отсеивая накипь обид, издержки эмоций от выношенных наблюдений и мыслей. Ясней вырисовывается, как неумело еще приобретаем мы искусство к делу социалистического обновления, как много не разгребли еще ворохов недопонимания. Оперативность в решении важного дела подменяем торопливостью. Хватких ремесленников принимаем за подлинных мастеров и бесконечно передоверяем-

ся им, добрую инициативу, хорошую идею склонны довести чуть ли не до абсурда...

В личном письме Луначарскому, направленном в те дни из Совнаркома от имени Управляющего делами Бонч-Бруевича, отчетливо слышится эхо ленинских бесед: совершенно немыслимо, чтобы у нас под каким-то предлогом устранились от дела художественного творчества такие талантливые скульпторы, как Меркуров, как Андреев; неужели, чтобы мастер, отложив резец, занимался огородничеством. Совершенно недопустимо, чтобы дело монументальной пропаганды передоверялось безответственным ремесленникам, которые уже обезобразили Москву нелепыми фигурами и изображениями, заставляющими людей содрогаться на перекрестках; на пушечный выстрел не подпускать бездарей и ремесленников к искусству, которого ждет, жаждет трудовой народ.

Вот в такой обстановке, когда социалистическое искусство только нарождалось, лишь обретало свои первые черты, едва лишь узнавало себя — в обстановке строгих самооценки и партийной взыскательности, — выполнялся ленинский заказ — памятник Марксу.

К Первому мая памятник, конечно, готов не был. Это огорчало, но в то же время в глубине души Владимир Ильич мог радоваться — что второпях могло выйти серьезного? Уж лучше подождать, чем жалеть... Таким образом, торжества открытия памятника превращались в торжества закладки...

Впрочем, модель будущего памятника была готова. Когда Владимир Ильич придет на торжество, он увидит ее перед временной трибуной. Рабочий со знаменем, коммунист, комсомолец, пролетарка, пионер — группа, восходящая по спирали и соединенная фигурой Маркса, опирающейся о камень...

Вполне правомерно и такое решение, Владимир Ильич согласен, но его очень заботит, чтобы не было ненужных условностей в изображении Маркса; и на этот раз он обращает внимание на необходимость добиться большего сходства с хорошими портретами Маркса. Кстати, в его рабочем кабинете висит превосходный живописный портрет Карла Маркса, написанный рабочим со «старого Лесснера», художником-самоучкой Лотаревым — драгоценный подарок питерских пролетариев в первый год революции...

Те недолгие минуты, которые Владимир Ильич провел около скульптурной миниатюры, будто уплотнили площадь — подошли новые колонны делегаций трудящихся, еще теснее сомкнулись передние ряды, людская волна буквально прильнула к Ленину... Пора начинать. Владимир Ильич поднимается на трибуну.

«Мы СУМЕЕМ решить задачу организации социалистического общества» — этой мыслью, оптимистическим кличем Владимир Ильич хочет соединить все в этом часе: сегодняшний успех коммунистического труда, праздник солидарности, торжество идей Маркса. «В. И. Ленин обратился к присутствующим с краткой, но сильной речью о значении Карла Маркса как социалистического вождя» — гласит газетный отчет, но сам отчет настолько краток, что уложился всего в один абзац. К несчастью, даже на таких митингах в ту пору обходилось без стенографа, а самому Владимиру Ильичу уж было не до записей — в этот же день предстояло еще по меньшей мере четыре речи и, пожалуй, десятки бесед... Но эта речь не напрасно названа сильной. Ленин говорил о своем Учителе. Он никогда не видел и не слышал его, но знал его учение, как собственную жизнь.

...Сколько помнит себя Владимир Ильич, с юных лет у него всегда «был назавтра» урок по марксизму.

В студенческую пору — после казанского ареста и перед петербургским экстерном — это упойтельное сидение за самодельным столиком в кокушкинском «зеленом кабинете» над «Капиталом», «Манифестом», «Нищетою философии»; это хождения по поволжским избам, пристрастное узнавание крестьянского житья-бытья; это бдения в кругу единомышленников-самарцев над разработкой статистических таблиц... К первому появлению своему в среде петербургских революционеров-марксистов он знал уже, как надо «владеть оружием Маркса», а в кругу молодых интеллигентов и в революционных рабочих кружках являл образец того, как надо учиться у Маркса.

С первых политических выступлений, самостоятельных научных трудов выработывалась новая потребность советоваться и просвещаться у Маркса. (Вряд ли в обширном Собрании сочинений В. И. Ленина мы найдем хоть один том, где бы марксовы идеи не выявлялись самым рельефным образом, не сливались бы органически с тканью ленинской мысли, где бы не было конкретных ссылок на основоположников научного коммунизма. Не менее 300 раз Владимир Ильич называет бессмертный «Капитал» и привлекает еще более 140 произведений Маркса и Энгельса.)

Для Ленина учеба всегда была исследованием. По десяткам источников прослеживал он происхождение

ние, исторический путь того или иного марксового открытия, составлял обстоятельную биографию идей, выявлял применимость их к практике борьбы в различных условиях. Он исследовал не только то, что писал сам Маркс, но и то, что писали о Марксе и марксизме противники, обнажая до конца все их контраргументы. Особую ценность для Владимира Ильича представляла личная доверительная мотивация Марксом своих взглядов и идей, ибо это всегда глубоко откровенно, искрометно, образно, масштабно. Однажды он признался: вчитываясь в эти «полные страсти» человеческие документы и видишь захватывающий интерес ко всем крупным идейным событиям и «чувствуешь себя как бы слушающим речь гениального мыслителя».

Когда была реализована первая попытка собрать и воссоздать эпистолярный диалог двух гениев — Карла Маркса и Фридриха Энгельса, когда вышли в свет на немецком языке четыре тома их «Переписки», Владимир Ильич прямо-таки погрузился в это живительное богатство мыслей и чувств, хорошо сознавая всю громадную научную и политическую ценность уникальных документов. «Не только Маркс и Энгельс выступают здесь перед читателем с особенной рельефностью во весь свой рост. Богатейшее теоретическое содержание марксизма развертывается в высшей степени наглядно... Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах».

(Сохранились те тома «Переписки» на немецком, которые были в руках у Владимира Ильича, тщательно проработанные в четыре карандаша с характерными его пометками, энергичными резюме. Сохранилась и другая ценность — объемистая 76-страничная тетрадь ленинского конспекта. Владимир Ильич очень дорожил этой тетрадью, долгие годы не расставался с ней, не раз обращался к ее страницам.)

За три предоктябрьских десятилетия В. И. Ленин, ставший во главе могучего пролетарского движения, одержал не одну решающую победу, внес свой вклад в развитие революционной науки, но ни в малейшей степени не утратил свежести восприятия марксовских творений. И в 17-м, перечитывая бессмертные странички, он не может удержаться от восхищенного восклицания в письме к товарищу: «Прелесть! Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходиться».

С юных лет у Владимира Ильича всегда «была назавтра» нерешенная задача борьбы, решение которой нельзя найти просто в коммунистических учебниках, а надо вывести из собственного анализа и выверить данными науки.

Он давно и точно определил для себя центральный пункт, где перекрещиваются весь многомерный мир марксистских идей: это — диалектика. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономики, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

Марксистский диалектический метод стал для Ленина не только методом изучения Маркса, но и методом практической реализации коммунистического учения, повседневным рабочим инструментом революционного действия. Диалектика стала душой ленинизма. И потому именно Ленин явился прямым воспитателем, продолжателем исторического дела освобождения трудящихся; потому именно его путь к Октябрю явился кратчайшим и самым верным. И никто другой так глубоко лично не пережил, не перенес столько ран от бесчисленных покушений на марксизм, как Ленин: никто не отдал столько сил и страсти очистительной борьбе со всякими лжеучениями и лжепоследователями — с разномыслем оппортунизмом и ревизионизмом, реформизмом и догматизмом, с самоуверенными педантами и обывателями-реалистами, беспочвенными романтиками и героями левой фразы — с врагами марксизма явными и тайными.

Только одно такое гнилое заблуждение, как каутскианство, потребовало годы врачевания. И империализм Каутский видит не таким, как он есть; и Октябрьскую революцию он признает за революцию не может, и пролетарская диктатура Марксом-де не предусмотрена; и российский опыт для него не опыт; и Советская власть, мол, не обеспечивает права человека... Да, «формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, заметил Владимир Ильич как раз в связи с коммунистическими субботниками, в «Великом почине», и напомнил, как сам Маркс изде-

вался над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольности и прав человека, которая ослепляет мечан и филлистеров, противопоставляя ей простую, будничную постановку вопроса пролетариатом: сокращение рабочего дня... Так что поменьше болтовни о «свободе, равенстве, братстве», побольше простого будничного дела.

Октябрь, первые же шаги Советского государства поставили бесчисленное множество проблем, которые нельзя предрешить никакой всеобъемлющей доктриной. Социализм реальный надо было творить самим. И революция раскрепостила миллионы, втянула их в творчество социалистических порядков. Владимир Ильич мог смело обратиться к массам: «Не боги горшки обжигают» — эту истину должны крепче всего зарубить у себя рабочие и крестьяне. Они должны понять, что сейчас все дело в практике, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживает практикой, исправляется практикой, проверяется практикой, когда в особенности верны слова Маркса: «всякий шаг практического движения важнее дюжины программ»...

Но ведь этот «всякий шаг» должен быть уверенно твердым, марксистски выверенным, коммунистически перспективным шагом. А все внове, за что ни возьмись! Жизнедеятельность Советов. Создание Красной Армии. Смена конкуренции соревнованиям. Тот же коммунистический почин на субботниках... Никаких предрешений этому нет в классических трудах. Ни себе, ни своим последователям Маркс не связывал рук «на счет форм, приемов, способов», он понимал, какая масса проблем будет возникать при различных обстоятельствах и как часто и резко может меняться обстановка в ходе революции.

Надо идти вперед, руководствуясь узанным у Маркса и полагаясь на коллективную мудрость и классовое сознание партии, идти от опыта к опыту, выверяя точность продвижения к цели навигационными приборами революционной диалектики.

...Да, мы сумеем решить задачу организации социалистического общества, мог с уверенностью сказать теперь Владимир Ильич, и этот памятник великому учителю послужит новым призывом упорно трудиться для будущего.

Перед церемонией закладки (есть такой снимок, где Ильич в раздумье) — еще миг наедине с Учителем: на гладком латунном листе штихелем надо расписать — это и дань любви и присяга на верность. Ларец с латунным листом помещается в приготовленное углубление, закрывается чугунной плитой. Владимир Ильич начинает возводить фундамент для закладного камня. На крепком цементном растворе — кирпич к кирпичу — кладет тринадцать первых кирпичей... Кладет так же уверенно и прочно, как первоосновы социализма.

В самой близкой близи к этим торжествам оказалось одно из крупнейших событий мирового революционного движения — в середине июля в Петрограде открылся Второй конгресс Коминтерна, которому предстояло решить самые жгучие вопросы современной классовой борьбы. Посланцы пролетарских партий из многих стран впервые работали вместе с Лениным. Он поражал их мощным интеллектом, революционной решимостью, колоссальной работоспособностью. Выступления по ключевым вопросам. Самое деятельное участие в подготовке основных документов. Активная работа в большинстве комиссий. Встречи с десятками делегаций... Из своих впечатлений, оценок, высказываний о Владимире Ильиче они составили уникальную книгу-альбом, которую так и назвали: «Делегаты Конгресса о товарище Ленине». Есть в этой книге четкая нить, связывающая два близких события, два близких образа. Приведем всего несколько мнений:

...Труды и вся деятельность Ленина доказывают, что он достойный преемник Маркса. Как теоретик он в настоящее время не имеет себе равных, но мировой пролетариат ценит его особенно как человека действия... Именно это сочетание теоретических и практических способностей необходимо для вождя. В. Мак-Лейн (Англия).

— Великий философ, великий мыслитель, автор ряда трудов о создании нового мира Карл Маркс ушел от нас, не претворив свои идеи в жизнь. Великий борец, философ и принесящий победы герой Ленин воплотил в жизнь начертанную программу построения нового мира, сделал ее вполне реальной для человечества. Исмаил Хакки (Турция).

— Если Маркс до известной степени предсказал переходный период от капитализма к коммунизму, то на долю Ленина выпало выработать, наконец, и определить ту форму, в которой должен совершиться этот переходный период. Э. М. Мартин (Америка).

Революционный мир видел, понимал, в каких надежных руках дело Маркса, дело коммунизма.

Василий СКРОБОТ,
технолог,
Братск

После смены

Окончилась в цехе
Рабочая смена,
Бригады идут
В раздевалку степенно.
Идут,
По-хозяйски ступая,
Особо.
Идут в сапогах
И замасленных робах.
На лицах усталость
И радость на лицах —
Рабочая гордость
Идет вереницей.
Неведомы им
Безработиц невзгоды.
Хозяева жизни
Идут по заводу.

Виктория ПИЛЕЦКАЯ,
строитель,
Тирасполь

В утренней прохладе полустанок,
Васильки мелькают у дорог.
И строитель-девушка на Север
Привезла с собою мастеров.

Здесь, в тайге, по-своему ценили
Верность слову, дружбу и огонь.
Оттесняла вечером транзистор
Виды повивающая гармонь.

Для бригады становились будни
Испытанием мужества и сил.
Благодарность в книжки трудовые
Сам товарищ Север заносил.

Погостить к своей нестарой маме
По уже знакомому пути
Ехал государственный строитель —
Девушка чуть больше двадцати.

Виктор СОЛОМАТОВ,
журналист,
Биробиджан

Отечество

Отчизна,

отчество,

отчество —

Любовь моя неистребимая,
Кукушечьи в рощах пророчества,
Над степью круги ястребиные.
Живет в тебе запах пшеницы,
Кедровника вязкий настой,
И поклик вспугнутой птицы,
И голос жалейки простой...
И я вспоминать не устану,
Доколе пребуду я тут,
Отца, что назвали Иваном,
И мать, что Надеждой зовут.
Взрослели мы трудно и рано,
Я думаю, что неспроста
Нет в нашей породе Иванов
Из тех,

что не помнят родства.

Прижать тебя к сердцу мне хочется,
Стремящую к звездам

свой бег...

Отчизна,

отчество,

отчество,

Вы раз мне даны и навек.

Иван и Николай
ЛУГОВСКИЕ,
трактористы,
Ростовская обл.

Журавль

Желтой речкой плещется жара,
Солнцем наливаются колосья,
Целый день в конце села журавль
Черпает прохладу из колодца.

А по осени, когда летят
Журавли на юг крикливым клином,
Бросит в небо он веселый взгляд —
Вот взлететь бы и ему за ними!

И ему немного станет жаль,
Что застыл на месте в позе странной.
Тут же вдруг спохватится журавль:
Он не настоящий — деревянный.

И растают в небе журавли.
А ему грустить совсем негоже:
Разве он сумеет без земли,
Разве без людей прожить он сможет?

К вечеру уляжется жара,
А потом луной вдруг обернется,
Слышно далеко: скрипит журавль —
Черпает прохладу из колодца.

Владимир СОБОЛЕВ,
инженер,
г. Гусь-Хрустальный

Школа РМЦ

В кузнечном — отблески огня,
в токарном — шум станков...
Казалось, цех пытал меня:
«Что можешь? Кто таков?»
В котельном — ножниц тяжкий стук.
Навек в меня вошло
высоких душ, рабочих рук
святое ремесло.
От сварки — выходящий дымок.
Вот здесь слесарить мне!
Ключи, крейцмейсель, молоток...
Я вижу и во сне,
как, от вращения светло,
нацелившись в деталь,
с веселым шорохом сверло
пронизывает сталь.
Следы металла — на руках,
в душе и на лице...
Наукой мужества пропах
я в школе РМЦ!

Григорий КОВЫНЕВ,
каменщик,
г. Шахты

Рисуют дети

Кто-то рисует кошку,
кто-то подъемный кран,
кто-то с гармошкой Антошку,
кто-то цветущий тюльпан.
Кто-то степное раздолье,
парящего в небе орла,
кто-то комбайны в поле,
на пашне грачей, трактора.
А вот Василисы Прекрасной
смотрят большие глаза...
В детских рисунках так ясно
сказок живут чудеса.
Рисуют смешно и просто
и мудрости не лишены:
в каждом рисунке — солнце
и наступление весны.

Алексей ЗАВГОРОДНИЙ,
агроном,
Краснодарский край
Земля

Сплетены рек,
Дороги распластав
И неба высь
Раскинув над собою,
Легла вздремнуть,
За долгий день устав,
Земля моя
Крестьянкой молодою.
Гудит вдали,
Идет с зерном состав.
Черны
Земли ладони
Трудовые.
Притихли птицы,
Только на постах
Не спят солдаты —
Наши часовые.
Но лишь восток
Зарю полыхнул,
Рассыпал в травах
Бусинки-росинки,
Встает земля,
Встает, легко вздохнув,
В осенней
Желто-розовой косынке.

Алексей ТАРАСОВ,
учитель,
Иркутская обл.

Листва в сухую пыль дороги
Роняет спелую росу.
Как в храме греческого бога —
Светильны в березовом лесу.

И чистоты его примета —
Жарки в безветренной тени.
В медовой свежести рассвета —
Чуть-чуть печальные огни.

Как будто утреннею ранью
Шагала ночь по каплям рос
И сгустки лунного сиянья
Тут позабыла у берез.

Юрий ЖИГУЛИН,
вальцовщик,
с. Сокольское,
Липецкая обл.

Я осень люблю за туманы,
За празднично-пеструю
грусть.
Овраги в лесу, как карманы,
В которых и рыжик и груздь.
Все светом пронизано
тонким.

И чья-то всесильная власть
Все манит меня, как ребенка,
На желтые травы
упасть...

Александр МЕЛЬНИКОВ,
инженер,
Московская область

Притаилась речка Атка
Средь берез, среди сосны.
К нам в прокуренных палатках
Не приходят в гости сны.
Мы в тайге поселок строим —
Быстро домики растут.
Нас когда-то добрым словом
Рыбаки здесь помянут.

Михаил УСТИНОВ,
наладчик
автоматических линий,
Карельская АССР,
п. Пюозерский

Погоны

Я гордился погонами,
Словно это награда,
И хотела мне встречи
Увозили куда-то.

Расправлял свои плечи,
По-мальчишечьи узкие,
И хотелось мне встречи
С мамой, в старенькой блузке.

Пусть погоны свисали
С нас, еще не окрепших,
В нас отцы воскресали
С фотографий поблекших.

Арсентий СТРУК,
теплоэнергетик,
Людиново

Художник

Играет мальчик у крыльца.
Крыльцо — с узорами резными.
Поет мальчишка про скворца,
Глядит глазами голубыми.

Он строит город из песка.
Лопаткой делает пометки.
Неловко детская рука
Втыкает ивовые ветки.

Живет художника душа
В моем веснушчатом знакомце.
Вот он притих и не спеша
На доме вычертил оконце.

Стою поодаль и молчу:
Ему сейчас мешать не надо.
А он рисует каланчу,
Сам ростом — ниже палисада.

Валерий МОСКАЛЕНКО,
инженер-радиотехник,
Минск

Жажда работы

Из башенки с лестницей утлой
над крышей высотного дома
открылся мне город огромный
в тумане июньского утра.

До синей черты небосвода
ушла площадей анфилада,
и был монолит небоскреба
похож на кристалл рафинада.

Бесплотные в дальнем тумане,
как мебель за тканью гардинной,
свои корпуса поднимали
четыре кирпичных гадирни.

Как будто в глубоком каньоне,
в оправе решеток из стали
струился гудрон подсиненный
пустынной еще магистрали.

От зрелища этого чуда
мгновенно слетела усталость,
как птица, нырнувшая в утро...
А жажда работы осталась.

Рустем КУТУЙ

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

ТРИ НОВЕЛЛЫ

СТИШОК

Где-то что-то у меня разладилось. И не поймешь вдруг, с какой стороны засмеркалось. А вот ни туда ни сюда. Голова не болит, в теле полное здравие, в пору хоть дрова колоть и слушать звон отлетающих полешек, а затаившаяся червоточинка свербит и свербит. Сидишь сиднем, ни до чего дела нет. Тоска бурьянная. Боюсь я дождливости в душе, упреждать стараюсь, а находит. С головой берет. К столу кинешься, спасительную бумагу разгладишь: карандашик — остренький, красивый, ровненький, опять же ручки разные цветные, бери — не обманут. Пусто, однако. Слова близнецами топчутся, даже не топчутся.

а вроде друг дружку обтапывают. Ну и чего, побултыхаешься вот так, а все дребедень какая-то на бумаге. За газетами спустишься к киоску — тут пиво продают, и не соблазнишься, мимо пройдешь. И шуршишь и шуршишь газетами, как мышь. Паутину распутьваешь. Плюнешь, притопнешь от злости. Нет, не от злости, от скверной лихости, как будто себя каблуком подавишь. А она все тут, тоска твоя не давленная. На кухню от нее укроешься, над чайником встанешь, ждешь перед огнем, когда забеспокоится кипяток. Крепкий чай заваришь, чин чинарем. Пить-то желания нету. Позвенишь ложечкой в стакане, мироздание пожалеешь и себя посередке. И хоть бы погода была мерзкая, тягучая — как бы не так! Блещет солнцем, лопочет листвою: дети там бегают, собака лает, женщины по веревкам белье вешают и соседней обсуждают. Жизнь идет бойкая, сноровистая, а у тебя в душе...

Такая, значит, со мной разладница произошла. Ух, думаю, снова ты меня настигла. И не подждал.

И тут звончок на двери: звяк-длин, валдаец мой дорогой. Песенка-то у него одна и та короткая, да все ж сладостна. Даже в тоске утешительна: Открываю — на пороге дружок мой давний стоит. Юрка-пустомеля, так его раньше звали. Из-за города прикатил. Уж и забывать друг про друга стали. Человек он больно занятой, с подвохом шальным, с усмешечкой.

Так вот, появился — радость на его лице, глаза кинжальчиками сверкают.
— Здорово!
— Здравствуй, здравствуй. Проходи.
На черную сумку его гляжу с «молнией». Он ее в угол ставит.
— А ты чего серость развел? Мух, что ли, моришь?
Балкон открыл. Шторы раскатил с окон. Сел к столу, локоть откинул.
— У меня благодать. Приехал бы. У меня хвоя в тазу стоит. Я ее как кипятком обдам, в лес ходить не надо. Дурью хвоя исходит, насыщайся.
— Как живешь? — спрашиваю.
— Стишки кропаю. Вон полная сумка. Читать тебе буду.
Не ко времени он подгадал, с меня ведь эту тоску, как пламя, надо сбивать.
Разглядываю его, курево подкладываю.

— Чай будем пить?
— Все будем. Тащи мою сумку со стихами. Тащи, тащи. Засох ты, гляжу.
Ну, думаю, пропал. Погибельное дело, когда на тебя стихами подвывать начнут. Да еще под Уитмена. А Юрий Захаров — любитель со звездами побеседовать, не как-нибудь, а накоротке. Для него звезды что-то вроде зерен, а небо, как амбар. Он, значит, их перебирает и поплывивает по сторонам. Ну, там кометы летают, огненные хвосты. Метут время. Месячишко горбится. А солнце так и пронзает ночь, так и пронзает. Миллион солнц. Юрий Захаров — человек не мелочный, вон как пятерню расхватил на плоскости стола. Любуется...

Приволок я ему сумку, а она тяжеленькая: ох, сколько написал, перемучился — почувствовал я — нанохался хвоя.
— Иди сюда, помогай, — будто приказал. — Распускай «молнию», она у меня тугая.

Я и расплеснул без всякого напряжения.
И ахнул: обернутая красной тряпкой, на меня вовсю глазела розовоклювая белая курица.

— Мать честная!
— Во-во, подарок. Стишок!
Курица сидела смиренно, видно, крепко спеленутая, а головой крутила, напрягая шею. Гребешок просвечивал.
— В огород ко мне зашла и квохчет и квохчет. Думать мешает. Я ее сеткой накрыл. О тебе вспомнил. А?

— Хват!
— Нам запросто. Вынимай.
— А чего я с ней делать буду? — растерялся я.
— Суп вари. С картошкой туши. На балконе сели. Хитрое ли дело.
— Загнул...

Я ходил, как коршун над чужим хозяйством, и чувствовал, горячет у меня под сердцем, скребется коготком детское ликование: ну, отмочил, Юрка, ну, уважил, государыню деревни так запросто умыкнул...

— Вынай ее, насиделась, небось.
Сам нагнулась, отмахнула тряпку. Курица не выскочила, завохотала только. Потом нетерпеливо вынесла себя из душной кожи и застучала по полу.

Мы обалдело глядели в сумку: там аккуратненько и крупно красовалось чистое яйцо.

— Снесла! С перепугу. Ах ты, батюшки! Пей!
Он поднес мне яйцо на раскрытой ладони.
— Тепленькое!
— Не буду.

— Тогда пусть здесь лежит. Красота. Это она, поди, когда я через мост вокзальный переходил. Грохот был. Ты еще загляни в сумку, там найдется кой-чего: стихок ли, поэма ли, а?

Я достал бутылку без наклейки. Она прозрачно загорелась в руке.
А курица ходила в ногах, поговаривая по-своему.
Про тоску я забыл напрочь. Ушла она.
И словно спохватился я — простоты не хватало в моей жизни, хвойного запаха не хватало. Легкий, жизнерадостный человек давно не дергал звоночек на двери.

влажным снегом и ветром, — и с Жуковского, и с Подлужной, и с Галактионова. Пристраивал в сенях на тряпье, таскал всякую всячину, но они скоро исчезали от меня, плата злой неблагодарностью, — так мне казалось, пока, наконец, я не обнаружил с ужасом, что их попросту гнали вон из тепла, пользуясь крепким сном хозяина.

Спал я, «как бог на облаке», — такими словами меня обрисовала бабка Луша, громадная костлявая старуха из-за стены. Это она по зависти покуражилась надо мной, потому как сама-то спала, как с ложечки воду пила, и вечно была сонная, с постельным пухом на платке, замерзающая бабка Луша, наша соседка.

Она садилась к печке прямой спиной, вжималась в нее и замирала.
— Опять молишься? — спрашивал я.
— Волею, — отвечала, подрагивая землистым веком. — У тебя рази чего болит? Самая болезнь — старость. От нее бяги не бяги, зубом стучи не стучи, пымала — и все. Сто рук у ей-то.

У бабки Луши почти совсем не было зубов, из-под вялой губы торчало что-то темное, прокуренное, вроде набок сваленное, но я живо представлял, как она стучит им.

Сидела бабка Луша вся в тишости и тепле, млея от печной благодати.
— По костям идет, слышь, обметывает. А-аа, сладость-то кака, так бы и померла не жалеючи. Сухо!

— Ба, а, ба, — вопрошал я. — А после чего?
— Это када помру, что ли?
— Ага, — задерживал я дыхание.
— Листы ловить буду.
— Какие, а? — волновался я.

— А те, что на землю не пали, а далеко полетели. С деревьев-то.
— Ух! — обрывалось у меня сердце, как видел бабку Лушу, стремящуюся по воздуху с раскиданным платком. «Жжу-жжу» — шумели впереди нее листья, завихривались.

— А ловить-то как?
— Как, как — больно я знаю! Иль хитрое дело, на то и бог!
— А устанешь?
— Не-ее, там уж отдохну.

И дом повторял за ней: «от-дох-ну...», — отзывался, как будто и ему предстояло умереть, тормошились деревья над крышей. А бабка Луша прислушивалась.

— Кто-то сказал чо?
— Где, где? — пугался я.
— Значит, послышалось. Дом-то наш старинный, в ем сколь душ живет, уму не считано.

И опять мерещилось мне по углам: подле фикуса гладколистного, за этажеркой резной, у шкафа поскобленного — пепельные скорбленные тени, дышащие со слабым присвистом.

— До-ом наш добрый. Тут, знашь, кто жил? Сам златомышленник! Смекаешь? Ну, не тут, не тут. Тут кухарки жили, всяка шушера. Сам он в кирпичном балы катал. Нюхай воздух, слышишь?

— Слышу, — говорил я, чтобы не отвлекать бабку Лушу.
— Пахнет ихней жизнью. Дом-то все знат, все таит. Или ты думаешь, в ем дыхания нету? Ещо как дышит, поскрипывает. У камня тож душа, а в дереве голос копится. Стань туда, к стене, и слухай.

Я льнул к прохладному камню щекой, растворив подле лица ладони.
— Глаза-то притвори, так-то. Чо слышь?
Шорох ли, шепот ли бежал по стене, как мороз по коже: шшу-шшу... Прямо-таки явственно наслаждался страхом слух.

— Подь сюда! Ну, что прослышал?
— Шшу... — отвечал я.
— Во-от! — с удовольствием морщилась бабка Луша, так она улыбалась. — Шура, значит! Хоть ты и татарчонок, а ответ тебе дан. Шура здесь жила, вот! Сам слышал.

И столько убеждения в ее голосе, старательности, — голова моя кружится, я держусь за подол бабки Луши, как цепкая мышь.

— Хорошая была, если имечко осталось. Дом-то живой, все-ооо помнит.
— И меня не забудет?
— А как же. Жизнь рази пропадет? Не-ее, копитя в добром здравии. Отец твой воюет, — произносила через молчание и раздумье. — Лютая война. А придет — тебя обвинят, смерти нету для него.

Наши беседы с бабкой Лушей слово в слово сохранились, запали каждым вздохом, отыскивали себе уголок в душе и утвердились там для памяти жизни. Как же бы я помнил такую давность в красках и запахах, когда б неумиряющая тоска по старым закоулкам детства.

*Эти ночи, занавешенные скорбью.
Над свечой сестра, как мотылек.
Там на стенах оживают наши тени
в полночь,
когда снят глухие двери,
наши тени, наши тени оживают.
И метут, метут лихие ветры,
шелестят снега, как похоронки.
В полночь,
когда снят глухие двери,
наши тени над войною оживают...*

Как замечательно нам жилось в старом доме, не отягченном, добром, просторном, звонком, с огромными окнами, с говорящей сковородой радио, с пятнистым накатом разбавленной синьки на стенах, с черным подполом в маленькой комнате, со свежей поленицей колотых дров в сенях под запором длинного крюка, — жилось ясновидно, и тужилось, и горевалось в сохранности надежды; по миру-то катилась страшная война, и радости в нем были захлебывающиеся, и плачи сдавленные.

*А на мне отцовская ушанка,
на плечах зеленые погоны.
В полночь,
когда снят глухие двери,
освещает мир огарок свечки,*

СТАРЫЙ ДОМ

Редко, с особой мягкостью его называли флигелем.

— Где ты живешь?
— Во флигеле, во-о-он крыльцо!
— Ишь ты, значит, со своим парадным.
— Ага.

Так сестра разговаривала с кавалером, держа руки в облезлой муфте. А для меня он просто был домом, а не каким-то флигелем. Не нравилось мне это, похуже на крендель слово, точно вырезанное из податливой жести.

На стенах дома резали ножом имена, выжигали лупой вензеля, белили мелом и чернили углем, но дерево потихоньку очищало само себя под ливнями и снегами.

Я мог с ним разговаривать, как с живым человеком, потому что мне казалось, он дышит, вздыхает, печалится, совсем как заболевший старик.

Все свое маленькое детство я прожил словно в теплом валенке. И запахи остались: печки, золы, закишего погребца, ледяных сеней, печеного теста и еще такие, что и названия-то нету.

Сарай пах древесной гнилью. Я сорвался с него вместе с доской и поглядел на горячие ладони, полные заноз. Их вынимали пинцетом целый час, и ранки потом страшно чесались. А надо было вычерпывать воду из сеней. Она натекала с бугра, чуть только пригревало весеннее солнышко. Выкачивали ведром — ломило спину, застывали ноги, а коричневая вода не убывала и противно чавкала.

Стружкой пахла весна, яблоком — морозная зима, пряниками — лето, капутным соком — осень.

Я жалел бродячих собак, приволакивал их отовсюду, пропитанных насквозь

*наши тени, наши тени выплывают.
И сестра танцует, как старуха:
валенки, платок, в зубах сухарик.
В полночь,
когда спят глухие двери,
тень ее,
как гаснущее пламя,
близкое дыхание качает...*

Через снега окликается дом голосами, вихрится листьями на крыше. Зажилса он на земле, не с налету поставленный, окруженный каменными завалинками, в нутре своем стоящий не на твердом башмаке фундамента, а на голой стопе. Паркет выпухал по живому оконному краю, коробился, и дух земли всходил, как пар, особенно по весне. Дров на зиму уходила прорва. Печи остывали за ночь. Лед тек по стеклам. Мыши не обживали его, потому что не было им пространства под полом. А как зато обогрето дышалось на его груди, красиво вспоминать.

*И не знает нынешний хозяин,
что приходим мы туда резвиться,
разгребая сукрак острожно,
в полночь,
когда спят глухие двери,
наши тени, наши тени оживают.
Не гасите, не гасите эту свечку.
В старом доме детские качели.
В полночь,
когда спят глухие двери,
как взлетают на качелях наши тени...*

Отец приехал на побывку в 43-м году, как раз перед тем, как пойти мне в школу. Дымно было за столом, стлалась синевя слюями, я сидел на военном колене, шевелил отцовские медали, сестра дышала мне в затылок, оплетала тонкими длинными руками плечи отца, сливалась с нами. Крутился патефон, шепелявил надтреснуто, и дом (наконец-то!) ликовал песней, раздвигался, широко в нем становилось, свет огня из печки падал на пол золотой дерюжкой. А как бережно сохранялась тишина при одиноком голосе, сильно и зазывно взнесенном вверх над размытыми лицами. Потолок был высок, и звук качался под ним ветвистым деревом. Кто пел? Мужчина, женщина? А я слышал, как стучится мое сердце, еще не знающее большой печали, как касается сестра горячим воздухом моих волос, как пахнет гимнастерка отца и ремни его.

*Эй, сестра моя, откликнись из-за снега!
Разве ты забыла, ты забыла,
в полночь,
когда спят глухие двери,
наши маленькие тени оживают,
совершая свой обычный танец.
Дом вздыхает и ласкает наши тени...*

На втором курсе университета я влюбился в медичку старше себя на два года. Меня накрыло обвалом, все перепуталось. У нее был мягкий, грудной голос, и еще она картавила. Знойно пахла духами и сеном. Глаза словно смотрели мимо меня наискосок. Моя потерянная голова хорошо гудела, когда она приходила в дом. Ее звали Тамара.

В бывшем дворце Сандецкого теперь лечили туберкулез, и Тамара бегала туда на лекции. Дворец — домина-диспансер — глядел снисходительно через трамвайную ливию на приземистый, укрывающийся по самые брови забором мой дом, где я стоял в окне и ждал Тамару. Она отряхивалась от снега на кухне, скидывала мне на руки шубку какого-то странного зверя, и начиналась любовь.

— Погоди, погоди, отряхни палочки Коха, — смеялась она.
Голова в серебряных каплях снега дразнила меня. Боже мой, как я был счастлив, когда она вдруг целовала меня, обтекала всего, произнося: «Ах ты, мой татарчонок...»

А потом в старый дом прозвонил телефонный звонок, и я близко услышал нежный, мягкий, грудной голос:

— Не сердись только, я вышла замуж. Я приду к тебе завтра...
Я повесил трубку, забился в маленькую комнату, задвинул окно широкой ставней и стал плакать от собственной бесполезности. Дом меня укачивал, уговаривал, спал. Печи затопили с утра, и я разомлел. Уснул на шершавой щеке беды. Печь закрыли рано, потому что мать спешила, всегда спешила на работу. Я не слышал, как пришла сестра и выволокла меня из комнаты, облитого пеной, на воздух в сени. Я угорел и уже приготовился на тот свет.

Так кончилась моя любовь, остыла на губах снежной пеной угара. Трудно и долго выветривалась из сердца.

А старый дом блестел паркетом, подготовленный к празднику, ласкал светом, точно приговаривал: «Будут и невесты и полная грудь радости. А погрузишь — чего же, погрузи, помайся маленько...»

Съехали мы, покинули дом, уже когда я был студентом последнего курса, то есть вполне зрелым человеком. Я оставил за его порогом сразу три чистых струи жизни — детство, отрочество, юность. В окнах отразилась моя тень, мелькнула и пропала.

Дом стоял на белой зимней земле, как пригорюнившаяся шкатулка. Дым не шел из трубы, — обогреют его уже другие люди. И моя душа прибавилась к его теням.

А однажды я улыбнулся, узнав, что новый хозяин не понарошке, а вполне серьезно, по добытому где-то сокровенному плану рыл в поисковом раже яму, подбирался к, должно быть, дорожному кладу. Он, поди, вздрагивал, отваливая старую землю, пот стекал за шиворот. Не докопался, однако, и сказал в пустой усталости и разочаровании: «До меня выкопали. Раньше прознали. Этот разве упустил бы...» Кого он имел в виду, бог ему простит. Но только клад там до сих пор лежит, надежно, под семью печатями, одному мне ведомый — треть, а может, и половина, да еще какая, моей жизни.

Еду ли трамваем мимо, иду ли вдоль забора, через который проглядывает дом серебряными окнами, — сердце начинает захлебываться, как чуткая собачонка, в неясной радости, а потом вдруг будто останавливается, и тишина гулко занимает грудь.

ДВЕРЬ

К вечеру он отказался есть. Ему плохо — это сразу поняли домашние. Весь его вид говорил об этом. Совсем заброшенный человек забился в уголок дивана, и глаза стали печальными. Уставясь в одну точку, он бесконечно о чем-то думал, изредка проводя ладошкой по волосам.

— Ты что же, так и будешь сидеть?
Он не ответил. Он решил ни с кем не разговаривать. Да и как было собрать скудные слова, никак невозможно.

А к нему приставали, его пытались расшевелить.
— Сейчас мы откроем клубничное варенье. Застоялась банка.
— Парикмахера нужно пригласить.

«Когда-то я был совсем-совсем маленький, меня носили на руках, кормили с ложечки. Фу, какая ерунда!» — подумал он.

Очень плохие мысли лезли в голову. Показалось, что даже замерз немножко: по спине ползла колючая гусеница.

Он еще раз, легонько притворив глаза, пропутешествовал через двор и уперся в калитку. Отворил ее. Она понесла за собой полосатую тень.

Никогда раньше он здесь не был и калитку не видел. Откуда взялась такая, толкну — и откроется. С большим кольцом. Все облизал, а ее не заметил. Ка-лит-ка... А ворота находились на другом конце двора.

Он оглянулся, поглядел на ворота и перешагнул через порожек калитки. Она слабо вздохнула и закрылась за спиной, точно только и ждала, чтобы выпустить его. Он проследил за ее тенью — как живая!

Перед ним стояли кусты с желтыми цветами и мелкими листьями, запылившись на горячем солнце. Он сорвал один близкий цветок и пожевал: стало горько, но он не заплакал. С тех пор как он научился ходить, слезы поубавились. Да и стыдно было плакать просто так из-за горького цветка. Ведь никто не заставлял его жевать — он сам потянулся на цыпочках, сорвал и, не разглядывая, сунул в рот. Если бы кто-нибудь его видел, он, может быть, и поканичил маленько, но так, без никого бы то ни было какой интерес пускать слюни. И он вытерпел, сжав кулачки и инув куда-то в траву ногой.

Подлетела бабочка, красная, с тонкими крыльями, покружилась над головой и опустилась на козырек парусиновой кепочки. Он стоял, не двигаясь, и выдавливал глаза наверх, чтобы, не вспугивая, увидеть ее над лицом у самого краешка лба. Бабочка сложила крылья в одну полоску. «Она тоже прислушивается ко мне. Наверное, я ей знакомый. Она же везде летает», — подумал он.

Голова тихонько плыла, потому что он все время смотрел через золотистые брови на узкую полоску и усы бабочки. А дальше, высоко, кудряво завиваясь, спешили облака. Бабочка растворила крылья и просыпала, он это заметил, красную пыль. Ее крылышки легли на козырек. «И чего это она совсем не боится меня? Может быть, думает, что я крыша?» — рассудил он и тут, потому ли, что вздохнул и пошевелил пальцем, бабочка снялась с кепочки и скользнула наискосок, потом вверх и снова наискосок, такой у нее странный, переменчивый был полет, как будто она забавлялась, постоянно падая и поднимаясь. «Играет!» — обрадовался он и погнался за ней. Но он еще не умел бежать по земле так свободно, как бабочка летела по воздуху, ускользя наискосок.

Остановился, захлебнувшись, дернул с головы кепочку и принялся разглядывать козырек: бабочкиной пыли не было. «Пока бежал, просыпалась», — решил он. — Жалко, не попробовал». Он хотел языком слизнуть эту красную летучую пыль, чтобы узнать, горькая она или сладкая. «Сядет в другой раз», — подумал он. — Жить-то еще вон сколько!» И пошел дальше через кусты, выставив острые локотки, — ветки кололись, возвышались над ним. Здесь было тесно и душно, и он совсем вдруг потерялся, но кусты раскрылись, и он оказался на свету перед зарешеченной дверью. «Вот это да!» — удивился.

Дверь сплошь заросла крапивой и густыми столбиками цветов, над которыми золотились мошки. Солнце падало сбоку розовой струей — начинался закат, — и в ней-то как раз и купались, кувыряясь, мошки.

Он протянул было руку к решетке, но сразу обжегся. Ему показалось, крапива усмеяется: у нее много ртов — резных листьев. «А кто там живет, за этой дверью?» — пришла страшная, опустошающая ужасом мысль. — А? Злой-презлой, хромой-прехромой. С тремя глазами, — отчего-то задохнулся он. — Ушел на охоту, придет и убьет меня», — перескакивая одна через другую, остренько кололи мысли. Но опасность приманивала, и он, расширив глаза, заставил себя удерживать в твердости ноги. Ухватился рукой за крапивный куст. «У него зуб один, острый-острый, здоровущий», — вспыхнуло в голове. И тут уж нестерпимо страшно стало, он побежал назад, не разбирая дороги, совсем как бабочка, все наискосок, все наискосок, обдираясь о ветки, пока не ткнулся руками в забор. Лицо стало мокрым, за шиворот стекала струйка. «Не догнал!» — пронеслось и просияло. А шорох еще успокаивал позади.

По забору он нашел калитку и вернулся к прежней жизни — к дорожке, посыпанной песком, к собственной рубашке и штанам, пересыхающим на веревке, к застарелой пузатой кадке с зеленой водой и к только что помытому крыльцу. Поозирался, вздохнул. Сел на ступеньку и стал думать.

— Ты где был? — сказала мать. — Шлендаешь бог знает где. Гляди, украдут.
Он будто спохватился, сорвался со ступеньки и ворвался в дом. Пристроился в уголок дивана. Красное горело солнце на стекле. А перед его глазами все стояла таинственная дверь под охраной крапивы. Посидел так до черного вечера с одним мучительным вопросом: «Кто там живет? Он скрадет меня. Обиохаёт следы и узнает, кто я: Бородой нароет...»

Если бы умел рисовать, он изобразил бы это чудовище с тремя глазами. На ночь он попросился лечь с матерью, зарылся поглубже под ее руку. Ему снились дверь и бабочка, летящая наискосок.

Дмитрий ШПАРО,
начальник экспедиции
к Северному полюсу.

Фото автора
и Владимира СНЕГИРЕВА.

Героя Советского Союза Л. Жильцова—командира атомной подлодки «Ленинский комсомол», которая в 1962 году достигла подо льдами Северного полюса,—спросили: «О чем вы думали там, в точке, где широта равна 90 градусам?»

Жильцов ответил: «В этой точке сходятся 360 меридианов. Из них 171 разбегается к границе СССР. Почти половина земли, окружающей полюс, советская. На Северном полюсе я думал о величии Родины».

...В начале нынешнего века в районе Северного полюса побывали на собачьих упряжках американцы Р. Пири и Ф. Кук.

...В 1968 году шестеро американских и канадских путешественников во главе с Р. Плейстедом на мотонартах прошли путь от Канадского Арктического архипелага до Северного полюса, а через год на полюсе «сделала отметку» британская экспедиция, руководимая У. Хербертом, которая за 475 суток пересекла на собачьих упряжках океан от Аляски до Шпицбергена.

...Наконец, в прошлом году тем же путем, что и 70 лет назад Пири—от мыса Колумбия,—добрался на собаках до полюса японец Уэмура...

Все. Других успешных переходов по льдам к «макушке» планеты не было. Не покорилась она никому, кто начинал свой путь от берегов евроазиатского материка и шел к ней по океанским льдам.

Полярная научно-спортивная экспедиция «Комсомольской правды» родилась в 1970 году. А через два года мы прошли на лыжах от Чукотки

к острову Врангеля, пересекли пролив Лонга. В проливе льды интенсивно двигаются, масса торосов и открытой воды. Все это мы преодолели отлично. И тогда подумали: ведь можно победить океанские льды: пройти путь в полторы тысячи километров от советской земли—острова Генриетты—до Северного полюса.

В 1974 году Центральный Комитет ВЛКСМ принял постановление о проведении тренировочных сборов экспедиции к Северному полюсу на Новосибирских островах, позже мы осуществили лыжный переход по району со сложнейшим ледовым рельефом—от острова Врангеля к советской научно-исследовательской станции «СП-23». Мы хорошо подготовились к своему главному маршруту, и в нынешнем году прозвучали долгожданные слова: даешь полюс!

Нас было семеро: Владимир Леде-нев—комсорг экспедиции и ее завхоз, Юрий Хмелевский—научный руководитель и штурман, Владимир Рахманов—второй штурман, Анато-

лий Мельников—парторг и радист, Вадим Давыдов—врач, Василий Шишкарев—второй радист и я. На острове Котельный и на «СП-24» работали еще пять человек—те, без которых наша экспедиция была бы невозможна: радисты Леонид Лабутин, Федор Склокин, Георгий Иванов, запасные—Михаил Деев и Александр Шатохин.

1. СТАРТ

15 марта мы выпрыгнули из вертолета на мерзлую землю возле домиков полярной станции, которая некогда работала на острове Генриетты. По крутому обрыву спустились к морю. Вдоль берега шел лед. Страшно было слушать его. Страшно было смотреть на него. Глыбы плыли со скоростью 4 километра в час. Скрежеща, переворачивались машины в десятки и сотни тонн. Временами открывались участки густой черной воды.

— Перенесу вас, братцы, через эту чертову полосу, через это месиво,—сказал командир вертолета.—Намате се льды.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

...И вот мы стоим на берегу, глядя на море. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим. Оно кажется совсем другим.

НА ПОЛЮСЕ
СНЕГ

ВЕРТОЛЕТ
ПЕРЕЛЕТЫВАЕТ

В МОМЕНТ
ПЕРЕХОДА
ЧЕРЕЗ
ВЪЕЗЖАЮЩЕЕ

ЛЫЖЖНЯ НА

В два приема по качающимся комьям снега и льда мы перенесли с берега лыжи и рюкзаки и расположились на северной кромке белой льдины.

«Река» не изменилась со вчерашнего дня. Мы ждали момента. Сделали пять попыток: несколько шагов по крошеву — и скорее обратно. И вот он, миг решающей атаки. К нам приблизился осколок льдины, и все кругом вдруг замерло. Мы побежали.

Затем три часа длилась непрерывная борьба с движущимися льдами.

Прилетел вертолет. Экипаж и двое наших друзей стояли возле домиков полярной станции, и их фигурки были крошечными. Мы для них были такими же.

...За несколько дней до отъезда из Москвы нас принимал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич Пастухов. О многом он расспрашивал нас. Среди вопросов был и такой:

— Что вы будете делать, если провалитесь в воду?

Я «купался» в 1976 году, Леденев — в 1972-м. Понятно, что на дрейфующем льду у человека немало шансов выжить в воде. И все-таки вполне возможен вариант: в самом деле, что? Я ответил:

— Пострадавшего надо перенести и наложить горячий чай.

А сам думал: ответ плох. Все зависит от ситуации.

Спасности, похорож, были уже по льду и близка цель — большая лаковая льдина, и тут, наверное, утратив осторожность, один из нас провалился в канву из снега, воды и льда.

Паразитально то, что ровно через три минуты по плечи провалился второй.

Я вспомнил свой несовершенный ответ. Сейчас переодеть ребят в суше было невозможно. И налить чаю тоже. В течение получаса мы проделали бег и лишь на той, выбранной заранее льдине остановились. Мороз был 30 градусов.

...Настала, пожалуй, пора ответить на такие вопросы:

— Опасным ли был старт?

— Да.

— Необходимым?

— Разумеется.

— А рисковать вы имели право?

— Конечно. Право на риск завоеывается опытом и трудом. И цель должна быть достойной.

2. ДВА МЕСЯЦА ВО ЛЬДАХ

— Подлый, ненавижу тебя. Хорошей бы кувалдой пройтись по тебе! — воскликнул в сердцах один из нас.

— Только не торопись, — последовал мудрый совет, — потому что без рюкзаков нам здесь нечего делать...

Вспомнились первые дни перехода 1972 года через пролив Лонга. Рюкзаки по конструкции были тогда куда хуже теперешних. Вес на старте превышал 50 килограммов. По льдам, по торосам мы шли впервые. Вот я встаю на одно колено, а на другое ставлю рюкзак, подлезая под него, выжимаю, как штангу, нога скользит, рюкзак падает. Три попытки. Откуда взять силы? У товарищей рюкзаки такие же, и помощи ждать некорректно. Стискиваю зубы и снова под него.

Сейчас легче... И все-таки трудно.

Утром, когда снимается палатка, меня всегда потрясает одно и то же: как невероятное количество вещей, обеспечивающих нашу жизнь, наше продвигание, выполнение нелегких программ, умещается в семи рюкзаках. Не в нартах, которые потащат десятки собак, не в мотонартах.

Хочется крикнуть: «Такого не может быть!»

Иду последним. Мои товарищи выгибают цепочкой. У них важный вид. Они будто добрые гномы. Когда в удачные дни мы с гордостью говорили Леониду Лабутину о пройденных «быстрых» милях, он отвечал:

— Молодцы, как это вы сумели?..

— Наш каждый день — это тренировка или соревнование? — спрашиваю я ребят.

— Соревнование, причем олимпийское, — говорит Леденев.

Но Рахманов, который все знает про спорт, возражает:

— Ни с каким видом сравнить нельзя. Это просто работа, притом — тяжелейшая.

— Но добровольная, — уточняет Хмелевский.

Мы идем по льдам, мы видим льды

не с самолета, а так, как видит пешеход землю. Мы делаем записи; толщина льда волнует нас с точки зрения безопасности, соленость снега — как соленость питьевой воды, встречный дрейф — как препятствие на маршруте. Нас окружает незнакомая среда. И наша жизнь, работа в этой среде дают богатейшую информацию о ней.

Психологи считают, что во время длительного и сложного перехода в экстремальных условиях Арктики происходит глубинное изменение личности. Меняются характеры людей, их взаимоотношения. Как меняются — вот что интересует психологов.

Да, есть медицинские, биологические, географические проблемы, которые можно решить только на этом маршруте. Мы классифицируем препятствия в океане, испытываем снаряжение и рационы питания...

А все это, взятое вместе, и есть научная программа экспедиции.

Володя Леденев часто идет первым. Задает темп, выбирает дорогу и прокладывает лыжню. На десятиминутном привале он валится с ног. На лице мучительная усталость. Что же бросает его снова вперед?

Он пришел в экспедицию в конце 1971 года и стал завхозом. Все экспедиционное и личное снаряжение прошло через его руки. За каждый болтик, вылавивший из канта лыжи, Володя считает себя ответственным. Непроста жизнь завхоза. Все-то он должен увидеть, уладить. Как-то в апреле, взяв у Леденева рембазу, поистине бесценный экспедиционный набор, где есть все, от иголок и резинок для тросов до плоскогубцев и запасных головок для примусов, Давыдов возмутился:

— Володя, зачем свечка, на случай солнечного затмения? Выброси, ведь лишний вес.

Огарку, однако, нашлось применение, о котором, конечно, знал заранее Володя. Рюкзаки капроновые, пуховики и спальные мешки обшиты капроном, коврики, которые образуют пол в палатке, тоже из капрона. Капроновая ткань сечется. Как только разрежешь ее, сразу срез нужно оплавить. Спичками несподручно, примусом — тем более. А вот свечкой — прекрасно.

И таких примеров можно привести немало...

В 1973 году редколлегия «Комсомольской правды» утвердила Володю комсоргом экспедиции. Оптимизм, задор и боевой дух присущи нашему комсору. Без сил он падает в снег только в том случае, если помощь его не нужна товарищам...

3. ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

У Сент-Экзюпери есть слова: «Твоя роза так дорога тебе, потому что ты отдал ей всю душу». Наши души мы отдали переходу к полюсу. Восемь лет мы готовились — и вот переживаем пургу на пороге 65-й параллели. Позади 870 километров. А если не по прямой, то пройдено, конечно, более тысячи.

Цвет нашей капроновой палатки — будто срез спелого яблока апорт. И если глядеть изнутри, то в любую погоду кажется, что на улице солнце. Стоит на льду океана палатка, бушует метель, а внутри уютно и тепло. Только завывания ветра тревожат, да приходится временами отгребать снег, который тяжелой ношей наваливается на тонкие стенки.

Еще в 1972 году в документах четвертой Всесоюзной калужской конференции по космической биологии и авиакосмической медицине было сказано: «Конференция отмечает важность результатов, полученных в экспедициях, подобных полярной научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды», для изучения влияния экстремальных факторов внешней среды на организм человека и поддерживает идею организации лыжной экспедиции к Северному полюсу с широкой программой медицинских и биологических исследований». 4 декабря 1973 года в газете «Правда» была напечатана статья «На лыжах к полюсу», где объяснялся смысл готовящегося лыжного перехода.

И все-таки бесконечное число раз за минувшие годы я слышал вопрос: зачем идти на полюс, более двух месяцев рисковать, терпеть, бояться, может быть, страдать?

Как-то зимой в просторном зале спорткомплекса издательства «Правда», где мы тренируемся, после разминки, после часовой возни со стальными тяжестями, после кувывков на матах, прыжков и прочих упражнений мы ожесточенно играли в футбол. Мяч залетел на балкон, я побежал за ним и сверху, на миг задержавшись, поглядел на ребят.

— Кидай же! — раздраженно крикнул кто-то.

Все с недоумением и досадой смотрели на меня. В порыве, внезапно застыв, футболисты были прекрасны.

Экспедиция пойдет на полюс, подумал я, еще и потому, что парни достойны этого. За все, что они тянули и тянут, не может быть иной награды. Полюс именно для них, так же как они для полюса.

В Москве, перед отъездом в Тикси, на полярной станции «Остров Котельный» я ждал вопроса: зачем вы идете на полюс? Ждал, чтобы дать на него свой новый ответ. Но почему-то никто меня не спросил об этом...

Сегодня 1 Мая. Над палаткой красный флаг. На митинге, возле палатки, мы говорим речи: и научный руководитель, и парторг, и комсорг, и я. Поздравляем друг друга. Вадим стреляет из карабина. Зажигаем сигнальные огни — это салют в честь праздника.

Сегодня у нас свежие газеты. Статья Василия Пескова «Они идут», многочисленные материалы о полюсном переходе. Выходит, он высоко оценен. Мы понимаем это и радуемся этому. Сегодня у нас масса поздравительных телеграмм. Одну процитирую:

«Дорогие друзья, сердечно поздравляю вас с праздником. Желаю всего наилучшего, могучего здоровья, преклоняюсь перед вашим мужеством, верные сыны России. Ваше дело правое — Северный полюс будет покорен. По поручению коллектива полярной станции «Остров Котельный» имени 60-летия ВЛКСМ Казиев».

Сегодня у нас письма из дома, от друзей. Жена рассказывает о четырехлетнем сыне Матвее: «Каждый вечер он увязывает игрушки и говорит: еду на север». А старший, пятнадцатилетний Никита, вспомнил нашу прошлогоднюю поездку в Ленинград. Там, гуляя по набережной Невы, по Марсову полю, возле памятника «Стерегущему», мы говорили о Родине.

И вот сын спрашивает: «Папа, помнишь?» Отлично помню, малыш!

Событие №1—Звягина переходит в нашу группу. Полный прикол жизни! Я ей сказала: «Я бы на твоём месте вообще в другую школу ушла». А она: «Кто меня пустит? Я вам нужна, я без пяти минут мастер».

Школа разделилась на два лагеря. Одни говорят, что Звягина — подлючка, другие — что все правильно, что рыба ищет где глубже, человек — где лучше. Михмих сказал: «Фрукты вы мои, овощи, жизнь есть жизнь».

Когда шел треновет, дверь была открыта — нервным решили курить. И мы слышали: звягинская тренерша Лидия Игоревна, Лидочка, плакала, как маленькая, в голос, кричала: «Я ее воспитала, я с детства над ней тряусь, вы многого не знаете — я купальники ей ночами перешивала, за уроками вместе сидели; когда она болела скарлатиной, я от ее постели не отходила, родители меньше там были, чем я, сердце я свое в нее вложила, что же вы у меня сердце отнимаете?»

Наш завуч сказал: «Лидия Игоревна, у каждой птицы свой потолок высоты, вы еще молодая, и мы не можем знать, куда вы подниметесь, а Михаил Михайлович — орел. Вы, может быть, загубите талант, и это не по одной нашей школе будет удар, а по всей гимнастике».

Михмих слова не проронил. Только встал, чтобы Лидочке стакан воды дать.

А когда мы потом к нему подошли, он и сказал: «Жизнь есть жизнь». Я предложила девочкам объявить Звягинской бойкот. Мельникова заявила: «Татьяна, наверное, боится, что Михмих станет на Звягину больше внимания обращать, чем на нее, вот она и делает волны». Я чуть не упала от такого подлого заявления, у меня слов не стало, я вырубилась. Ей Маша Фролова отрезала, как надо, и она села. Но и Фролова, справедливый человек, сказала, что для пользы спорта, а мы все вот-вот перейдем в Большой спорт, который — дело государственной важности, Звягина должна тренироваться у Михмиха, хотя Лидочку и жалко. Мельникова опять выскочила: «Жалко у пчелки, а держать Звягину у Лидочки, как мама моя говорит, нерентабельно». Я ее спросила: «Мы что, гайки и винтики?» — на что она злобно заявила: «Может, тебе хочется, чтоб треновет с тобой советовался?»

Я дождалась Михмиха, мы пошли домой вместе, он опять читал мои мысли. «Таня, — он сказал, — мне тоже, предств, обидно за Лидию Игоревну, я ее лучше вас понимаю. Но Люда у нее отстала от современных требований. Посмотри всю ее программу — это же вчерашний день. Отстала и будет отставать: Лидия Игоревна вышла замуж, теперь пойдут домашние дела, потом дети... и вообще, знаешь, в этом есть сермяга, хотя и жестокая: одни специалисты должны работать на других. А что во всех документах я буду писать Лидию Игоревну выше, чем себя, это я тебе обещаю».

И все-таки не так, не так как-то нужно, я чувствую... Есть в этом какая-то подлость. Лидочка ведь надеялась на Звягину, а ее надежду взяли и растоптали. Серый сказал мне из Достоевского, что все на свете не стоит слезы ребенка...

Я вспомнила, как она плакала и никто

ей не мог помочь, и подумала: «Ну, пусть у другого тренера станет Звягина чемпионкой-расчемпионкой всего на свете, стоит ли это Лидочкиных слез?»

Не знаю, не могу ответить категорически, стоит или не стоит.

Конфликт этот свойствен, пожалуй, одной спортивной среде. Если школьник переводится из 9-го «А» в 9-й «Б» или вообще уходит в соседнюю школу, это не вызывает негодования ни у классного руководителя, ни у директора. Если студент переходит с исторического, допустим, на философский факультет, в деканате не возражается траур. Когда балерина Надежда Павлова удостоилась чести быть приглашенной на сцену Большого театра, никто не винил ее в предательстве интересов родных пермяков.

Но у болельщиков футбола на памяти случай переезда Виктора Колотова из Казани в Киев, перехода из первой лиги в высшую. Уважаемый журналист в уважаемом печатном органе квалифицировал это чуть ли не как шкурничество. Вскоре Колотов стал капитаном киевского «Динамо», капитаном сборной, красивой и гордостью отечественного футбола, и уважаемый печатный орган возносил его до небес, напрочь забыв о досадном инциденте.

Выходит, дело лишь в конечном результате? Хорош он — и переход целесообразен; неудачен — и вот уже острятся лихие перья.

Однако конечного результата ждать долго. Так молчать ли нам о том, что для любителей спорта служит одним из главных предметов дискуссий?

Расскажу-ка одну историю. Несколько лет назад в Алма-Ате в гимнастическом зале мне бросилась в глаза девочка, в которой — по стати ее, задору, цепкости и упорству — угадывалась будущая большая спортсменка. Звали девочку Оля Коваль, тренировала ее молодая женщина — Наталья Попова, застенчивая и безоглядно преданная гимнастике.

Наталья рассказала мне, что Олина мать — преподаватель физкультуры, и как это прекрасно, что в спорте за девочкой как бы двойной уход.

Спустя приблизительно год я краем уха услышал, что Оля с мамой переезжает в Ленинград к известному специалисту, прославившемуся когда-то, но с той поры подвигив не совершавшему. Случилось так, что в ту пору в Москве проходил молодежный гимнастический сбор, и я пришел в зал. Увидел Олю — она отвернулась. Увидел Попову — она сидела на скамейке в дальнем углу, горестно поникшая. Я подсел к ней, глупо спросил, как дела, и она разрыдалась. Сквозь всхлипывания я разбирал: «Даже не предупредила... попрощаться не пришла... и сейчас не подходит... я же ей не враг, я бы разрешила... господи, хоть бы домой добраться, хоть бы скорей пережить все это...»

Далее — нечто несообразное. Год Олю Коваль никто не видит. Говорят, что новый тренер, долгое время ничем не блиставший, готовивший средних гимнасток, составляет Коваль сногшибательную программу. Другие говорят, что он ее прячет, поскольку отстал от современных веяний и ничего с ней у него не выходит.

Он привез ее на турнир в Москву. Я к ней подошел — она хмурилась, отворачивалась, дичилась, хотя помнила меня по Алма-Ате и была там на диво общи-

тельна. Сейчас же ей было отчего-то неловко, не по себе.

Программа была средненькая, уровень тренированности невысокий.

Тренер же в середине турнира взял и уехал в Ленинград, бросив Олю одну. Говорили про какой-то нервный срыв. Но все было значительно проще: «маэстро» испугался позора, попросту сдрейфил.

Коваль очутилась в Москве, у другого известного тренера — Михаила Клименко. Повзрослев, она удивительно похорошела, но Клименко столкнулся с воровством гимнастических огрехов и неумений. Из сборной, в которой она числилась, ее вывели — даже из резервного состава. Так обстоят на сегодня ее дела.

Наташу Попову же эта история, похоже, здорово надломил.

Утверждают, что инициатива переходов и переездов исходила от Олиной мамы, верившей в громадность дарования дочери и оставшейся сейчас у разбитого корыта.

Но был или не был резон в переходе? Сейчас мы вольны утверждать, что не было, а если бы в Ленинграде девочка добилась успехов? А может, лучше было остаться в Алма-Ате? А может, Клименко, большой знаток гимнастической техники, быстро подтянет Олю?

Получается гадание на кофейной гуще.

Тут все спорно, бесспорно одно: Оля была ребенком, по-детски любящим и уважающим первого тренера — потребовалось доказать, вбить ей в голову, что тренер — бездарность. Другой тренер ее фактически предал. Третий... У Клименко она все-таки на втором плане, он больше работает с Леной Мухиной, абсолютной чемпионкой мира, и Оле достается мало его времени — от этого ощущение ущербности.

Сколько нравственного урона, сколько душевных травм!

Переходы в спорте были, есть и будут. Ирина Роднина и Александр Зайцев перешли от Станислава Жука, воспитавшего их, к Татьяне Тарасовой. Ирина Моисеева и Андрей Миненков — от Тарасовой, воспитавшей их, к Людмиле Пахомовой.

Причины сходны: взаимный кризис отношений (это даже не моя точка зрения, а Родниной, человека, редко столь глубокого и пронзительного). Только в первом случае кризис был больше творческим, чем личностным. — Жук не видел развития однажды найденных им в учениках черт, во втором больше личностным, чем творческим. — с годами между спортсменами и тренером по разным причинам возникло нечто, близкое к психологической несовместимости.

Но то взрослые, сложившиеся люди, а Коваль ребенком была!

Да, есть тренеры и — тренеры. Такие, у кого потолок дарования воробьиный и у которых — орлиный (это же в любом деле так). Но ведь в этом надо еще и убедиться, а как иначе, чем проверкой молодого специалиста в деле? Мужает и крепнет спортсмен, мужает с ним рядом тренер.

Вновь и вновь возвращаясь я мыслями к Оле Коваль, к тому, что случившееся могло лишить ее душевной цельности, ощущения высоты тех принципов, которые помогают побеждать.

А переходы, повторяю, были и будут — порой они естественны, как миграция. Но нельзя ли все делать прямее и, я бы сказал, благороднее? Открыто, без

шепотков в коридорах, без ударов из-за угла, без жирных посыл внеочередных машин и квартир?»!

У нас, как говорит Михмих, «ЧП на ЧП сидит и ЧП погоняет».

Во-первых, в Сережкином спецклассе за неделю 33 двойки по математике.

Во-вторых, в соседней футбольной спортшколе ребята одного своего же парня избили.

В-третьих, у нас Виктор Николаевич, Сережкин тренер, перед игрой при всех в раздевалке отвесил по скуле Вите Стародворскому.

Витек — потрясанный комик — рассмешил чем-то ребят. Виктор Николаевич цыкал на них, цыкал (на площадку же через пять минут!), а они все равно фыркали — Витек рожки им строил. Вот тренер и не выдержал. А на тренсовете объявил, что хотел придать Стародворскому больше спортивной злости.

Теперь мы ходим и хохлим: «Ну, ударь меня, ударь, щас разозлюсь и тройной прирут скручу».

Насчет футболистов. Дело было так — у них молодой тренер, законченный фанат, он им доказывает: «Землю грызи, а не подводи команду. Кто подводит, кто всего себя не отдает коллективу, тот предатель и изменник».

Они сейчас на первенство города играют, и в матче один филонил, «пасса на поле, как козел» (это по их словам), и они ему после матча втихую так навешали, что родители хотят подать на тренера в суд — за подстрекательство, хотя он ни о чем не знал.

А насчет двоек вот что (со слов Серенького). Математичке у них под семьдесят лет. Когда она впервые вошла в спортивный класс, то сказала: «Это блажь, глупая затея — целый класс физкультурников повесили мне на шею, вы все, наверное, лодыри, недаром в народе говорится: «У отца три сына, два умных, третий спортсмен». Они, конечно, обиделись. У них сразу появился на нее зуб».

Кроме того, как Серый говорит: «Мы привыкли жить как бы в тепле игры: та-та-та-та, четко. Кого надо — спросили, что надо — объяснили. А она пока усядется, пока очки протрет, пока надеет, пока журнал раскроет — такая нудьга, вот мы и треплемся, ноль внимания на нее, а она — хлоп, и «пару» в журнал».

Тридцать три двойки за неделю — это грозило провалом эксперимента по созданию в той школе волейбольного спецкласса. Правда, было непонятно: хотя ребята пришли из разных школ, с разными отметками в дневниках, — у кого тройки, у кого пятерки, — но могли ли они, собранные вместе, разом превратиться в сплошную бестолочь?

Это я передаю размышления директора той школы о них.

В учительской настроение было тревожное. Там признавали, что пожилая учительница математики перегнула палку. Но одновременно вспоминали, как спецкласс дружно сбежал с дежурства в школе, как сорвал классный час... Словом, в учительской полагали, что волейболисты пришли в школу с несколькими легкомысленным настроением — де, спорт важнее учебы.

Директор молчал, думал, присматривался.

А в спортивной школе бушевало родительское собрание. Предлагалось жаловаться в роно, в министерство, вызвать экспертов из Академии педагогических наук...

ИМ ПО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ УЖЕ!

И РАЗМЫШЛЕНИЯ КАНДИДАТА В МАСТЕРА СПОРТА ПО ГИМНАСТИКЕ ТАНИ С... ПРОКОММЕНТИРОВАННЫЕ АВТОРОМ.

Директор заходил в спецкласс, садился за последнюю парту, наблюдал. И выяснил следующее: в целом класс по оценкам (если не считать злосчастных двоек) значительно благополучнее двух «неспециальных».

С точки зрения чисто практической это объяснимо. Успеваемость обычного школьника находится под двойным контролем: «школа—дом». Учеба воспитанника ДЮСШ—под тройным: «школа—дом—тренер». Вдобавок, поскольку родители, несомненно, отдавая сына или дочь в спортивный класс, опасались, не отразится ли это на учебе, следят за ней пристальней.

Но это не исчерпывает объяснения. Директор заметил, что спортивный класс с психологической точки зрения особый. Он активен, инициативен, темпераментен, у него быстрая реакция, он легко и охотно схватывает новый материал. Такой класс для учителя и нетруден и труден: чуть потерял темп урока, и пропал интерес, и ребята мгновенно выходят из подчинения.

Очевидно, эти свойства—активность, темперамент, реакция—воспитаны в первую очередь спортом. Тяга к плотной, напряженной работе—от тренировок: данное тренером задание (например, отработать планируемую подачу) проверяется сразу и делом, в игре. Конкретность, осязательность цели вообще присуща спорту, как и осознание необходимости каждый день перешагивать на ступеньку выше прежнего.

Такие вот обстоятельства, думал директор, открывают какие-то новые аспекты учебы современного подростка. Может быть, для спецкласса надо подбирать и учителей особого типа (Толкачев, основатель Владимирской гимнастической спортшколы, мечтает иметь в штате тренеров-физиков, математиков, словесников—таких, чтобы совмещали знание этих предметов со спортивными навыками и были помощниками школьных учителей). А видный психолог-методолог Георгий Щедровицкий говорил мне, что спецкласс дает великолепную возможность для экспериментов по модернизации школьной программы с целью сделать ее компактней и динамичней.

Обратимся к другому ЧП. Ударить ученика—это, конечно же, ни в какие ворота не лезет, не правда ли?

Но вспомним: «В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на пачку... Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз... Я, вероятно, еще бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал: — Простите, Антон Семенович...»

...Задоров сильнее меня, он мог бы искалечить меня одним ударом... Во всей этой истории они не видят побоев, видят только гнев, человеческий взрыв... Я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок».

А. Макаренко
«Педагогическая поэма».

Эту тему я обсуждал с Виктором Ильичом Алексеевым, выдающимся спортивным педагогом современности. Спортсмены, воспитанные в руководимой им школе, завоевали 14 олимпийских медалей, 47 раз улучшали рекорды мира. Но еще среди выпускников школы—46 докторов и кандидатов наук. Только сейчас, когда Алексеева нет с

нами, мы понимаем, что лишились педагога-гуманиста, равного по масштабу дарования и взглядам Макаренко, Сухомлинскому, Корчаку.

Я спросил тогда Виктора Ильича, можно ли при определенных обстоятельствах позволить себе поднять руку на ученика, не лежит ли это за гранью педагогики. «Можно,—он сказал,—в качестве крайней меры. И не за гранью, а на грани».

В связке «тренер—спортсмен» много сложного, не поддающегося оценкам «абсолютно правильно» и «абсолютно неправильно».

В выходной день на сборе был у Турицевой день рождения. Сверх рациона она позволила себе поесть чебуречков, хотя имела какую-то толику лишнего веса. Назавтра она с раннего утра совершала пробежку, плотно укутанная, чтобы согнать вес и, как говорится, «забила ноги». На тренировке у нее не клеился разбег, и Растороцкий накричал на нее.

Сдерживая слезы, она говорила мне потом: «Прав Вячеслав Степанович, а я виновата, и вообще—зачем придуманы дни отдыха? Разве от любимого дела надо отдыхать?» Бурная, громогласная натура Растороцкого много лет была для Турицевой как парус.

Однажды на крупном турнире Владимир Васин, будущий олимпийский чемпион по прыжкам в воду, подошел к своему тренеру Петрухиной и довольно спросил: «Ну, как у меня, Татьяна Максимова? Один в один прыжочки идут, правда?» «Дерьмо у тебя, а не прыжочки»,—отрезала она, и он отошел, светясь багровыми от гнева и стыда ушами. После этого прыжки пошли в самом деле один в один. А поступок интеллигентнейшей, добрейшей Татьяны Максимовны породил толки о ее грубости и непедагогичности. Она же знала, что делала. Знала слабую нервную систему любимого ученика и, рассердив его, добила концентрацией душевных усилий на желании доказать, отключения от всех внешних раздражителей.

Наказанием может служить и подчеркнутая индифферентность. Помню, стоит на тренировке перед брусью Тама-ра Лазакович, «Лазя», хорошенькая беленькая фурия, и не ладится у нее что-то, а ее тренер Викентий Дмитриевич Дмитриев сидит себе на скамеечке, не глядя в сторону гимнастики. «Не получается!—кричит ему Лазакович.—Устала!» «Отдохни»,—флегматично отвечает Дмитриев. «Остынь!» «Тогда работай». «Так устала!» «Отдохни». Доведенная до предела, она шипит себе: «Лазя, надо!»—и рыбкой кидается на снаряд.

Ну, а как все-таки насчет крайней меры? Алексеев тогда пояснил мне, что ударить можно лишь того, кто в состоянии (принципиально) дать тебе сдачи, кто поймет, за что получил, кому подобный язык привычен: «Знаете, иной раз какая к нам шпана является! А спортсмены замечательные получают. Однако,—говорил Виктор Ильич,—если бьешь слабого, если действуешь под влиянием бессмысленной вспышки, тогда это, конечно, антипедагогика. Но есть,—он мне сказал,—нечто, что вообще за гранью, недостойно порядочного человека, и он казнит себя, что однажды это средство применил, хотя иного выхода у него, пожалуй, и не было».

«Я услышал, что одна спортсменка из нашей школы ждет ребенка, а отношение между ней и... как бы это ска-

зать,—заминается целомудренный Виктор Ильич,—словом, отцом ребенка, тоже парнем из нашей школы, сложные и вот-вот оборвутся. Я не мог всерьез поговорить с ними, потому что знал все лишь по слухам, а эти двое при мне, конечно, молчали. Каждое воскресенье мы ездили тренироваться за город, собираясь в первом вагоне. И вот я пошел в театральную гримерную, попросил наклеить мне бороду, надел темные очки и широкую шляпу и примостился в вагоне рядом с ними. Мне быстро стало ясно, что они любят друг друга, просто характер пришелся на характер, как коса на камень. На нашей остановке я спрятался в кусты и быстро разгримировался, а ребятам объяснил, что ехал в другом вагоне. Так я получил возможность побеседовать с этими двоими, наставить их на верный путь. Теперь у них прекрасная семья. И все-таки я корю себя за подглядывание чужой жизни до сих пор».

Таковы порой сложные пути спортивной педагогики, которая отличается от школьной, в частности, тем, что там на первом плане убеждение, здесь же, в спорте, ему равно, а порой и превалирует принуждение. Неважно, «деспот» тренер или «демократ» (пользуясь рабочими терминами спортивных психологов), принуждение—его оружие.

Спорт доброволен. Но это лишь в тот момент, когда ты в него приходишь. Ты пришел, и тотчас тебя окружает часток обязанностей—перед командой, городом, спортивным обществом, страной, наконец. В нашем теле спят неведомые нам силы, своего рода НЗ, рассчитанный на крайние, сверхстрессовые ситуации. Убегая от разъяренного тигра, вы можете перемахнуть через забор, на который в обычное время даже не сумеете вскарабкаться. Спортсмен порой обязан призвать эти силы на помощь—для победы, для рекордов. Но организм не хочет их отдавать—иной раз то, что мы принимаем за лень, просто служит самозащитой. Так вот, тренер должен учить спортсмена, заставляя его сознательно тратить НЗ.

Тренерское дело—суровое.

Событий опять много.

На первенстве города я заработала первый мастерский балл.

Родители футболистов помирились с тренером—поняли, что тот парень, Филон, подводил команду, и один папаша даже сказал: «Теперь видно, что коллектив у вас здоровый».

Машу Фролову отчисляют из ДЮСШ. Пусть я «каждой бочке затычка», но я не могу молчать, мне дико ее жалко, и я пошла к Михмиху.

Он сказал: «Танюша, овощ ты мой золотой, фрукт серебряный, что делать? У нас ведь план—в таком-то возрасте столько-то такого разряда, в таком-то—столько-то... Из Маши, ты видишь, толка не будет. Ей шестнадцать, а у нее только первый, и толстее она на глазах, хотя режимит больше вас всех».

Я сказала ему то, что Серенький любит повторять—из Экзюпери: «Мы всегда в ответе за тех, кого приручили». Маша живет гимнастикой, собирает все вырезки, все фото, так старается. А потом—если есть у нас какой-никакой коллектив, то Машка, самая справедливая, как бы соединяет нас.

Михмих грустно ответил, что помочь может одним—устройством в институт, если она, конечно, захочет в физкультурный.

А она приходит в зал, сидит в стороне, и в глазах горе.

Думая о ней, я стала думать и о себе. Мне почти пятнадцать, у меня один мастерский балл, а в моем возрасте Олимпиаду выигрывают.

Окончу школу, постараюсь поступить в институт, а с гимнастикой как? Сейчас время мелькает, как волчок: школа—зал—школа—зал. Уроки я иногда в метро учу. А там, дальше, все серьезней—профессию же надо получать.

Михмих в том разговоре спросил: «Самма-то кем хочешь быть?» В детстве я отвечала: «Чемпионкой»,—но это не профессия, да и не быть мне большой чемпионкой.

Но если закрыть глаза и представить, что у меня нет этого зала, этих окон, этих двух бревен, из которых одно шатается, и все сразу норвят захватить другое, этой шведской стенки, на которой Михмих держит угол дольше нас... Не будет Михмиха...

Как обидно быстро делаются порой выводы о том, что кто-то юный уже бесперспективный! Сколько слез пролило, сколько копий поломяно родителями, сколько писем ими послано во все инстанции—тонны!

Но не будем сентиментальны. Спорт развивается по восходящей в своем вечном стремлении к высшим, потолочным достижениям. Не каждый способен на них замахнуть, как не каждый научный работник способен на открытие, не любой может стать академиком.

Мы, взрослые, понимая закономерности спорта, должны заботиться, чтобы неизбежный процесс отбора приносил—если уж это неизбежно!—неудачникам боль по возможности минимальную. Нам надо думать о заполнении вакуума в их душах иными, не менее интересными делами. Но от них самих «оживление» зависит едва ли не больше, чем от нас.

Стержень спорта—соревнование. Другими словами—здоровая конкуренция. Ребенок узнает это, едва переступив порог спортшколы: кого-то не приняли, кого-то взяли, но могут отчислить и через год, два, три... Отсев постоянен, и среди тех, кто в него не попал, не обязательно самые талантливые, но непременно самые настойчивые и трудолюбивые. Спорт—воспитание воли и постоянная проверка ее.

Ну, а как быть тем, кого отчислили? Тренер пожимет плечами: «Выбирай себе, дружок, другой какой-нибудь кружок». Не вышло в плавании, попробуй в пинг-понг. И опять это проверка воли: у кого она послабей, залезая на диван с книжкой детективных повестей, у кого сильней, тот станет стучаться в разные двери, пока не найдет своих. Такие, как правило, находят.

Однако ситуация эта, думаю, временна. Неоднократно упоминавшийся мною Толкачев, например, считает, что отсеивать совсем нельзя никого, потому что из средних по способностям, но влюбленных в спорт ребят выходят великолепные тренеры—они постоянно учатся учиться, анализировать свои недостатки и чужие достоинства. Кроме того, считает Толкачев, отчисление—помка коллектива.

Но достанет ли места всем желающим в залах спортшкол? Сегодня нет. А когда-нибудь—да. В будущем Толкачеву видится соединение, сращивание общеобразовательной и спортивной школ, что послужит крепчайшим фундаментом здоровья народа.

Так оно, полагаю, и будет.

Ия МЕСХИ.

Фото Сергея ВЕТРОВА.

МЦХЕТА

Была ли Великая Мцхета? Была, оказывается, была! Сначала мы это знали лишь по летописям, так сказать, бумажно, а теперь вполне можем и руками потрогать... Но прежде чем окунуться в нее памятью, зайдем с вами во Мцхету сегодняшнюю, довольно живописную и привлекательную.

Это место на земном шаре, если вы его не видели своими глазами, вошло в ваше воображение еще с детства вместе со строкой Лермонтова: «...Там, где, сливаясь, шумят...»

Да, именно там, «где, сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры», в этом остром треугольнике у слияния двух рек и стоит нынешняя Мцхета, районный городок с заботами главным образом сельскохозяйственными, совхозно-колхозными. Но есть в этом городке организация по имени МПАЭ, собравшая под свою сень несколько отрядов археологов. Как известно, археологи — люди уравновешенные, тихие, созерцательного ума и архинеторопливых действий. Знакомство с МПАЭ разбивает это стародавнее представление. МПАЭ ведет жизнь — да простится мне это сравнение, — подобную жизни оленей, полную тревог, постоянной напряженности и перескоков с одного места на другое.

И все это потому, что Мцхета раскинулась не где-то там, на отшибе, в идиллических местах, которых, кстати, становится на земле все меньше и меньше, а стоит она на самой оживленной в республике трассе, издавна именуемой Военно-Грузинской дорогой, вблизи столичного города Тбилиси. Столичный же город все тянет к себе и от себя так называемые коммуникации: то ему нужен газ или линии электропередач, то он протягивает нефтепровод от найденных в окрестностях Тбилиси месторождений, то передельвает шоссе или кладет еще одно полотно железной дороги; туристам нужна новая база, столичные жители хотят строить в живописных местах дома отдыха — оттого с пчелиным жужжанием облепили Мцхету бульдозеры и прочая землеройная техника!

И вот, пожалуйста, совсем недавно стали строить корпуса пансионата для сотрудников исследовательского института и наткнулись под землей на каменные насыпи. Давайте сюда археологов! Что это? Погребения. Одно за другим. Более шестидесяти. А в них — бронза, оружие, костяные изделия, керамика. Но стройка есть стройка, она не может стоять. И тогда археологи, развивая, по их мнению, бешеную скорость, достали бесценные для истории предметы из всех могильников и «выторговали» себе право оставить самое богатое погребение для более детальных исследований. Мы его видим сегодня под наспех сколоченным укрытием. Кроме изделий из металла, в нем 47 керамических сосудов такого высокого мастерства и вкуса, что просто захватывает дух. Решено неторопливо раскопать это последнее убежище знатного человека, существовавшего, видимо, 33 столетия тому

назад. А потом «срезать» могильник и перенести его в помещение для сохранности и демонстрации.

...Или возьмем дело, связанное со строительством новой диспетчерской в хозяйстве мцхетских железнодорожников. Сегодня свежештукатуренное здание диспетчерской выглядит по меньшей мере забавно в окружении как бы игрушечных розовых домиков из керамических плит с желобчатыми черепицами. Никогда не догадаешься, что это не что иное, как могилы. И в таких домиках хоронили покойников в древней Мцхете. Археологи, которых, естественно, вызвали сюда, раскопали все вокруг, нашли рядом следы древнего керамического производства, открыли стену, которая тянулась от подошвы Картлийской горы до берега Куры.

А в трехстах метрах от железнодорожной станции, в саду одного из мцхетских жителей, тоже в результате действий заступа и лопаты был найден памятник исключительного для Кавказа значения: богатый склеп времен эллинистического зодчества, со своими местными грузинскими отступлениями от эллинских канонов. Он освободился из-под земного плена, как гриб-боровик из-под мха, идеально сохранившийся, со всеми своими архитектурными деталями. Открылась и дыра, выдолбленная в двускатной каменной крыше, через которую грабители конца первого века нашей эры растащили главные ценности. Главные, но далеко не все. В склепе осталась уйма инвентаря, стеклянных флаконов, монет и дорогих украшений, свидетельствующих, что похоронена здесь исключительно богатая и знатная особа.

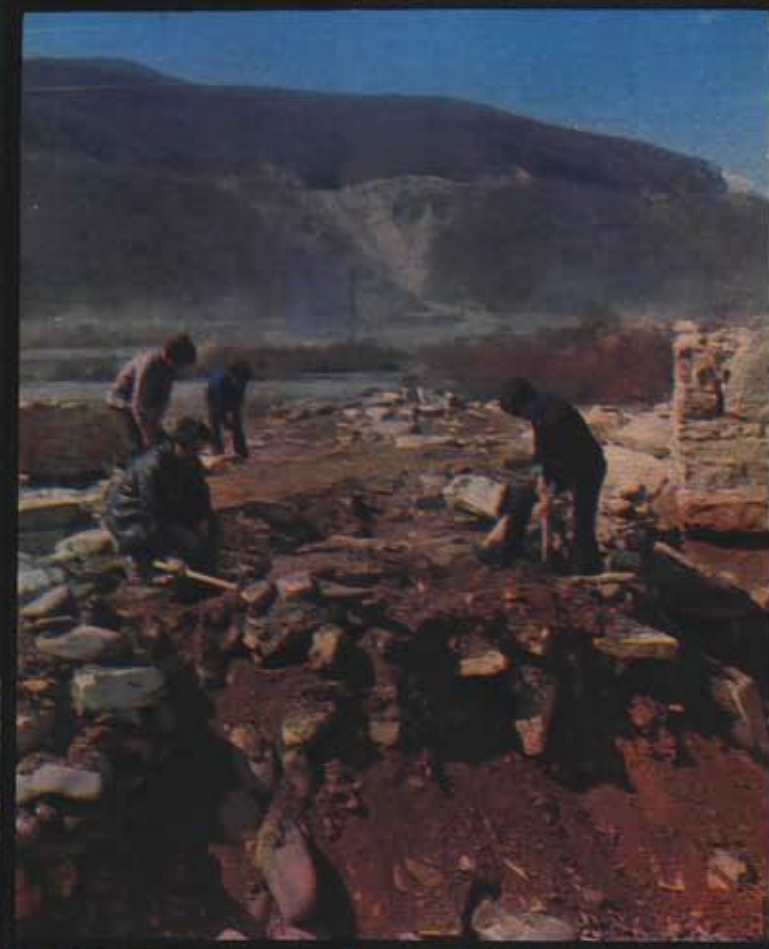
В самом центре Мцхеты начали строить кинотеатр, и тотчас раздался клич: срочно МПАЭ! Под толщей земли обнаружили древнейшие ворота Мцхеты. Сами ворота как таковые не

МЦХЕТСКИЕ ДОЛГОЖИТЕЛИ ХРАНЯТ В ПАМЯТИ «ПРЕДАНЫЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ».

ХРАМ АНАУРИ— ШЕДЕВР СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗОДЧЕСТВА.

остались. Может быть, сгнили, если они были из дерева. А если железные — переплавили их или завоеватели увезли как трофей. Но остатки стен со следами входных ворот археологи отыскали. Что же с ними делать? Снова забросать землей? Или оставить и перенести строительство на другое место? Решили не делать ни того, ни другого: ворота оставить и над ними возвести здание. Кинотеатр стал защитным навесом над археологическим памятником. И сидят сегодня мцхетцы в кино, глядя на экран, переживают сегодняшние страсти. А под ними — обнаженный кусок их давно прошедшей городской жизни. Там, у ворот, тоже, наверно, все кипело: воины держали осаду, вырывалась конница, входил торговый караван из дальних стран...

учные силы. В разных концах Мцхеты были сделаны очень важные открытия для понимания не только истории этого города, но истории Грузии в целом.

Потом война, тяжелые послевоенные годы. Мцхета со своими древностями отошла в тень. После войны обнаружались и другие очень интересные археологические объекты, в частности, в Западной Грузии, в Колхиде. Но разве можно забыть Мцхету? Там, конечно, продолжали копать, искать и находить.

ДЛЯ ХУДОЖНИКА ТИМУРА ДЖАПАРИДЗЕ ВЕЛИКАЯ МЦХЕТА — НЕ МЕРТВЫЕ РАЗВАЛИНЫ, А ЖИВАЯ КРАСОТА СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.

ТАМ, «ГДЕ, СЛИВАЯСЯ, ШУМЯТ, ОБНЯВШИСЬ, БУДТО ДВЕ СЕСТРЫ, СТРУИ АРАГВЫ И КУРЫ...», И РАСКИНУЛАСЬ НЫНЕШНЯЯ МЦХЕТА — РАДУШНЫЙ И ЖИВОПИСНЫЙ ГОРОД.

Подобных случаев можно привести немало, но, думаю, читатель уже уверовал в тревожно-радостную, беспокойную, «новостроечную» жизнь МЦХЭ. Земля Мцхеты оказалась начиненной археологическими памятниками, как слоенный пирог.

Знали об этом раньше?

Предполагали... Предвидели...

Это было более ста лет тому назад, точнее в 1867 году. Во время перетрассировки Военно-Грузинской дороги взрывали скалу около Мцхеты, на берегу Куры. И вдруг сверху свалилась большая тесаная плита из камня. На плите — надпись по-гречески. Цезарь Веспасиан Август оповещает о том, что он помог царю иберов (восточных грузин), Митридату, укрепить городскую оборонительную стену. Надпись датируется 75 годом нашей эры.

ВОЗЛЕ МЦХЕТЫ СООРУЖАЕТСЯ ЖИНВАЛЬСКАЯ ГЭС, А РЯДОМ АРХЕОЛОГИ ВЕДУТ РАСКОПКИ УНИКАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ.

Простояла она, очевидно, придавленная чем-то, на скале семнадцать столетий, после чего перекечевала в Тбилиси и сейчас находится в музее Грузии.

В те же годы и тоже в связи с прокладкой дороги на другом конце Мцхеты, у Арагвы, обнаружилось целое поле каменных ящиков — древних захоронений.

Так возник интерес к этим местам, началось первое самостоятельное раскапывание мцхетских древностей, первые, построенные на энтузиазме русских и грузинских историков-ученых научные работы. Они сыграли положительную роль для последующего массивного наступления на мцхетские недра в советское время, в конце тридцатых годов. Тогда в Грузии уже был филиал Академии наук СССР, имелись значительные на-

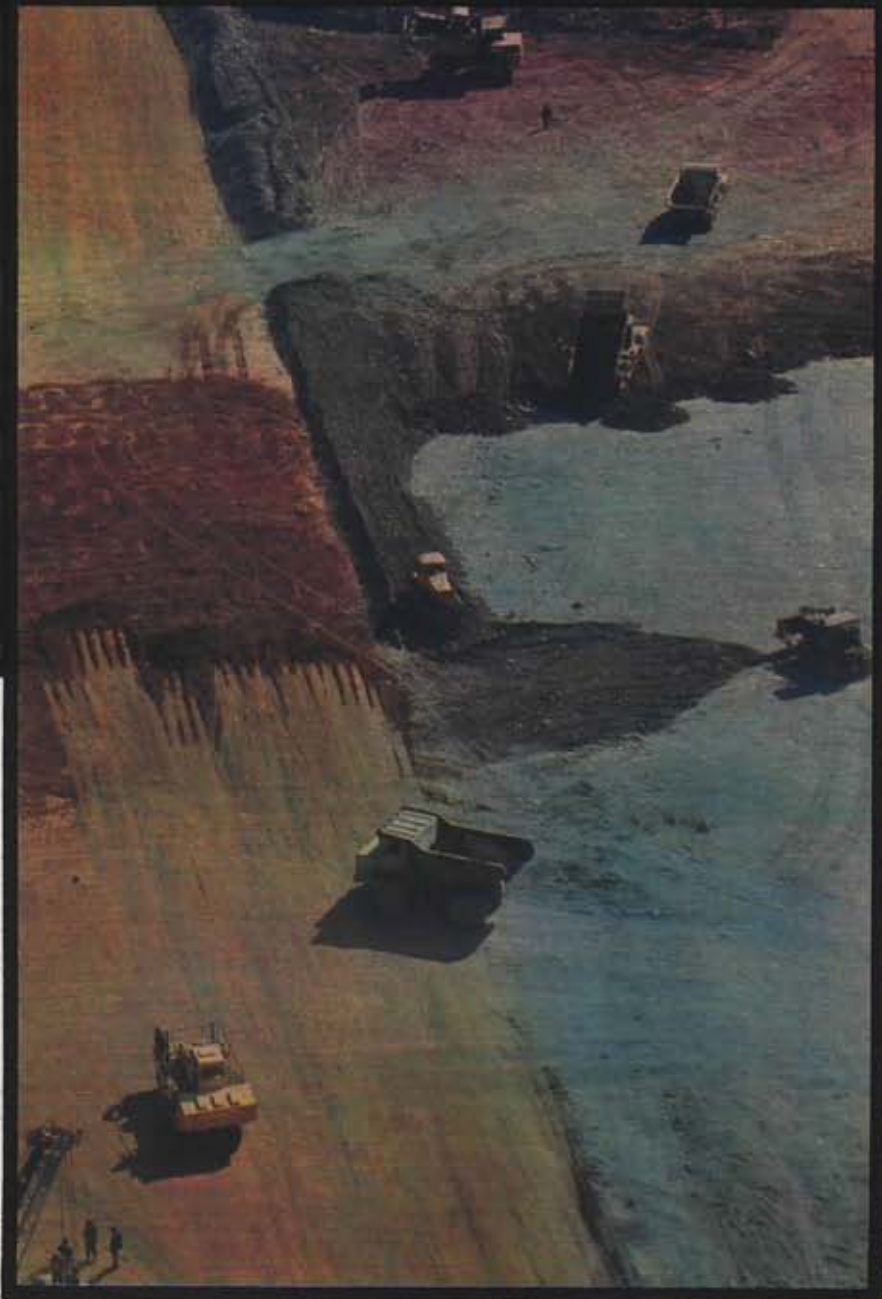

Рисунок Сергея ТЮНИНА

ХОЗЯЙКА

Я врезал ему, не раздумывая. Он охнул и даже присел, будто нарвался на аперкот, а не на крылатое словечко со средним коэффициентом агрессивности. Несколько секунд он беззвучно жевал вкусный загородный воздух, явно находясь в состоянии гротги.

— Хорошо прожевал, молодец! — поощрил я его. — Теперь глотай!

И он крылатое словечко проглотил.

— Я полагал... я надеялся... — замямлил он, — мне говорили, что вы интеллигентный человек...

— И тебя не надули! — пылко вскричал я, хватаясь за штатетник разделяющего нас забора. — Я потомок варшавского врача Заменгофа — создателя эсперанто. Горблю в НИИ старшим научным, семь языков в активе... Но, старый... — Тут я налег грудью на забор и переключил тон на доверительный. — Старый, не надо путать, мы с тобой не на симпозиуме лингвистов в Гарварде, а в дачном поселке Чернуха. Это, считай, те же джунгли.

— Простите, я не совсем постигаю...

— Еще бы, ты ведь новичок в нашем ратном дачном деле. Небось, думал: куплю дачку и буду себе загорать! Шалишь, старый. Здесь сперва надо хозяином стать, иначе пропадешь не за понюшку табака.

— Я не совсем...

— Терпеливо объясняю. Я твой сосед слева. И мне, к примеру, не нравится, что эта береза свесилась на мой участок. Тогда в твоё отсутствие я обкарнаю ей бок, а то и вовсе завалю...

— Но позвольте...

— А твой сосед справа — профессор ботаники, между прочим, — оттяпает у тебя пару соток...

— То есть как?

— А так: безлунной ночью перетащит забор, и вся недолга. А поутру скажет, что прежний владелец у

него эту полосу отхватил. И пока ты тяжбу будешь с ботаником разводить, он с аннексированной территории пять урожаев клубнички снимет... И тебя же еще как сутягу по всей Чернухе ославит.

— Уму непостижимо...

— Я ж говорю — джунгли. Вот за что я тебе сейчас врезал? За паршивое ведерко песка, что ты насыпал из кучи у моей калитки...

— Я думал, это ничей песок...

— Запомни, старый: здесь нет ничего ничейного; здесь все — чье-то. Личная собственность! И за покушение на нее любой справный хозяин может вынуть у тебя четвертый позвонок...

— А-а... почему же, извините, вы только обругали меня?

— В семье, сам знаешь, не без уroda: как-никак я потомок известного человека, слышу в Чернухе либералом. Если, скажем, забредет ко мне чужая курица и вместе с моими пеструшками полакомится моим пшеном, я всего лишь отловлю ее и потребую с владельца умеренную контрибуцию. А вот если мой Петя-петушок невзначай наведается к Юлдашевой — он в ту двухэтажную хорошину напротив, видишь? — она его своими зубами загрызет.

— Батюшки, кто же она, эта Юлдашева?

— В поте лица своего добывает хлеб насущный в «Золотой рыбке».

— Вы хотите сказать, работает в ресторане?

— Метрдотелит. Сам понимаешь, петушиным выкупом ее не облазнишь — к другим цифрам привыкла. Но порядок уважает, хозяйка — я те дам!.. Да у нас таких — хоть экспорт налаживай. Ты вот шавку привез, а зачем? Что она тебе накараулит?

— Как вы можете, это не шавка, это колли!

— Все одно. Нынешних собачек больше для тетешканья держат, для слезы умиления. А проку-то от них чуть — раскормлены, ленивы, ни сторожевому, ни

иному ремеслу не обучены... Не-ет, чернухинские хозяева свою собственность шавкам не доверяют...

— Понимаю — на высоте местная милиция.

— Старый, в милицию обращаются, когда преступление, — скажем, грабеж — уже совершилось. А крепкий хозяин ограбить себя не позволит...

— Не понимаю...

— Глянь, какой кустарник у нашего ботаника вдоль забора растет. Он его с Амазонки привез. Красиво цветет? Не вздумай букетик наломать: ладошки волдырями пойдут — неделю криком исходить будешь!.. В терем к Золотой рыбке без особого приглашения тоже не суйся: у нее по саду Иван-дурак бегает...

— Простите?!

— Электронный робот. В армяке, в ушанке, вместо кулаков — двухлудовые гири... А вчера я по Луговой улице моционировал и на воротах дома № 7 узрел: «Осторожно, лазер!». Разжилась Чернуха еще одним большим ученым. А ты говоришь — колли...

— Я, право, обескуражен...

— Мотай на ус, старый. Дачник — это профессия, постичь ее глубины дано не каждому, однако дерзай. Если что — я подскажу, поправлю по-соседски...

Поправлять нового соседа пришлось уже через неделю. Он, видите ли, не знал, где достать торф, и поперся за ним в Долгуны, на торфоразработки, а это в сотне километров от Чернухи. Вернулся как с праздника: обещали в четвертом квартале подбросить грузовичок. Вижу, не варит малахольный, что зимой нашим плантациям не торф, а снег нужен. Ну и огрел я его от души идиомой, длинной и увесистой, как оглобля. Сосед снова долго кушал наш аппетитный чернухинский воздух, потом задуманно простонал:

— Помилуйте, я ведь ничего мне не принадлежащего не взял...

Михета была объявлена городом-музеем, и с 1975 года здесь начала работать МПАЭ — Мхцетская постоянно действующая археологическая экспедиция института истории, археологии и этнографии Академии наук Грузии. Заметьте — постоянная, то есть такая, которая стала проводить широкомасштабные, планомерные и систематические раскопки в Мхцете и ее округе.

Можно ли сказать, что сегодня нам с Великой Мхцетой все ясно? До такого заявления еще, конечно, далеко, но черты этого города уже проступают из глубины веков.

На базе МПАЭ, среди большого разнообразного материала, найденного в раскопках последних лет, самое сильное впечатление произвела на меня маленькая скульптура: голова мужчины из розовой терракоты. Ее нашли в Карсисхевском погребении, поэтому я назвала ее про себя Карснели, человеком из Карсани, местности, которая входит в пределы Великой Мхцеты. Так я увидела наконец не глиняные горшки, не драгоценности, а лицо че-

ловека. Оно глянуло на меня «оттуда» из-под приспущенных век и улыбнулось чуть иронически. Несколькокими штрихами, проведенными по мокрой глине, прежде чем отправить ее в обжиг, художник изобразил характер, то ли свой, то ли своего товарища, во всяком случае, какого-то достоверного лица. Думаю, что все-таки свой. Думаю, что этот человек был мастером по глине, гончаром. Иначе почему бы простой головке попасть в погребение?

И вот, увидев его, я стала постоянно обращаться мысленно к нему, человеку молодому, некрашвому, незнатному, с колючим характером. Работяге, художнику, философу. К человеку, который когда-то жил на этой земле. Я спрашивала его: какая же была она, его Мхцета? Кем населена? И не просто же так, сразу, стала она великой, то есть большой и значительной?

Сначала здесь обитало какое-то племя или какие-то племена, занятые земледельческим трудом. Потом (а «потом» длилось века!) начало организовываться городское поселение. Уче-

ные считают, что происходило это во второй половине II тысячелетия до нашей эры. Город рос, обстраивался. Вот и Вахушти, грузинский историк и географ XVIII века, пишет о нем: «...Его основал Мхцетос, Сын Картлоса, и назвал его своим именем. Затем он превратился в большой город, который называли матерью городов...»

Существует и другая, более современная версия о происхождении названия Мхцеты. Ее ведут от племени месхов (мосхов-мушков), игравших важную роль в объединении грузинских племен. Но дело не в названии. Дело в том, что хочется увидеть мхцетскую жизнь. И самое парадоксальное, что видится она, эта жизнь, через смерть, с помощью главным образом погребений.

Гончарная посуда. Ее клали вместе с покойником. Чем более раннего она происхождения, тем интереснее, декорированнее, штучного, так сказать, изготовления. Город — это уже серия, усредненный, массовый тип. Но и технология упрощена, а значит, выше уровнем.

Для виноградарей мхцетский гончар изготавливал прекрасные громадные глиняные кувшины, в которых хранилось густое солнечное вино. А для города шла своя продукция — кирпичи, черепица, керамические водопроводные трубы...

А если были кирпичи и черепица, строились каменные дома, значит, были каменщики? Те, кто эти камни добывал, кто занимался обтесыванием их и резьбой орнамента. Те, кто строил дома. О высоком уровне строительного дела говорит должность зодчего и художника города. Найдена надпись периода Великой Мхцеты. В ней названо имя главного зодчего и художника столицы. Тогда им был Аврелий Ахолл. Главного. Значит, были у него и помощники?

Работали здесь и художники, и резчики драгоценных камней, и чеканщики по золоту и серебру. В некоторых, особо богатых гробницах найдены тысячи золотых предметов. С помощью археологов земля Мхцеты высвободила огромное количество драгоценностей из своих недр. Может возникнуть

— Вот и дуралей.— тепло пожурил я растяпу.— Это у меня, у ботаника, у Золотой рыбки взять даже червя дождевого опасно, потому как мы—хозяйева, а если ты ручки в другое место протанешь... Ты вот о торфе размышляешь—святое дело. Только зачем так долго ждать своего счастья? Выходи на большую дорогу и голосуй самосвалом. Чего они, родимые, для нас не везут! Песок—пятерка, торф—три пятерки, бетон—шесть пятерок...

— Вы сказали—для нас?...
— Ну, не совсем... Кто-то где-то этот бетончик, конечно, ждет, но хозяину положено печься о своем интересе.

— А как же водитель?
— Он тоже об интересе печется, только о своем. У тебя—спрос, у него—предложение. Деловой контакт деловых людей. Прыгай на подножку и указывай путь к своим пенатам.

— По-моему, это как-то не очень хорошо...
— Очень хорошо редко когда бывает, старый. Сие грустно сознавать, но что делать? Упомянутый бетон или там гравий иным способом вообще не достать, а с прочими стройматериалами чуть зазеваешься—с носом останешься.

— Какая жалость, мне так хочется построить оранжерею. Но, наверное, я уже зазевался—никак не найду ни кирпича, ни стекла.

— Большая дорога дефицита не знает: кирпич, железо, шифер, тес—по ней все едет. Пожелаешь, тебе не то что кирпич—стенные панели пригонят. Хоть 12-этажную башню возводи... Ты, кстати, на каком попроще себя истязал?

— На дирижерском.
— О-о! Благородное ремесло. Чернухинские шабашники музыкантов обожают. Поскольку ваш брат витает в поднебесье, в дачном же деле—ни уха, прошу прощенья, ни рыла. Они тебе оранжерею за день сладят, а на другой она развалится. Остерегайся, сосед, зычного заверения: «Хозяин, все будет путем!» Нынешний шабашник повадками под мастера работает: на слово скуп, прищуром деловит, а цену заломит—дыхание останавливается. Но боже тебя сохрани подлустить сего умельца к делу! Когда я был таким же бледно-зеленым, как ты, навязался на мою шею один «спец»: пора, говорит, под твоей избушкой фундамент менять. И в первый же день чуть домик-то не завалил: не поставив подпорк, принялся вышибать кувалдой угловой стол! Не случись меня поблизости—поспел бы к развалинам...

Дирижер даже очки снял:
— Да отчего же подобное проистекает?!
— Корысти ради подражается умелец. Не плодами рук своих любит—сорванным кушем. Насчет потолка—это про него. Оттого он, не охнув, и печником себя наречет, и преферансистом, и ловцом жемчуга, глядя, кто требуется. Его услуги—твое финансирование.

— Но ведь образ действий, а стало быть, и мышления такого, как вы изволили выразиться, умельца глубоко циничен...
— Я ж и говорю: в повадке мастер, в деле—гангстер.

Античная голова музыканта внезапно и резко пала на грудь, плечи косо ухнули вниз, и элегантный чесучовый костюм обвис на моем соседе простекой мешковиной. И закапали на неудобренную землю слова-слезы:

— Как же... мне-то... быть? Столько работы кругом... и садовой... и плотницкой... А с умельцем мне не сладить... нипочем...
— Вот это ты, филармония, зря, вот это ты,

консерватория, брось!—Я стукнул кулаком по забору.—Что за паника, что за капитуляция?!
— Не представляю даже...—тоненькой струйкой, с перебоем, лились слова-слезы,—как с умельцем... держаться...

— Круто! Лодырничает—взнуздай «божьем» афоризмом. Халтурит—бей по карману. Вообще не умеет ловить мышей—гони взапой!
И снова капнуло:
— Не сумею...

— Умелец научит!—безжалостно подколот я дирижера.—Чего-нибудь напорочит, чего-нибудь умыкнет—ты и сумеешь.

Античная голова вяло закачалась, не веруя в радужную перспективу.

— Вот что, ключ ты мой скрипичный,—перешел я тогда на мерный тон психиатра,—ты давай не кисни. Через месяц я вернусь из Бомбея с симпозиума эсперантистов и—разверзлись, земля!—если не натаскаю тебя в дачной науке. Будь!

Подтянутый, как струна в настроенном фортепьяно, с чуть впалыми щеками, как у прошторченного морского волка, загорелый, как счастливчик-артековец, я возвратился из энойной Индии. Целый месяц жил я в микроструктуре, состоящей из ученых джентльменов в белых шортах и ученых леди в черепаховых очках. Первым я говорил «сэр», вторым—«пожалте ручку». Весь этот немудрый бонд напрочь вытеснил из моей памяти чернухинские формы общения. И сейчас, еду электричкой в любезный сердцу уголок, я с умилением воскрешал облик почтеннейшего моего соседа, его римский профиль, изысканные манеры, незамутненную жаргонизмами речь. Как славно потолкуем мы с ним о санскрите, о знаменитом пещерном храме в Аджанте и мавзолее Таж-Махал!

Едва я сошел с поезда, как был обласкан мягким отечественным солнышком, овевая легким дружелюбным ветерком, услажден нежным птичьим сопрано. Истекая затряхной сентиментальной улыбкой в предвкушении трогательной встречи, я ступил в свои зеленые владения и, даже не отперев дачи, прошел к забору, через который мы обычно сносились с соседом.

Первое, что заставило расширяться зрачки,—огромная оранжерея, отделанная разноцветной пластмассой. Рядом тянулось к небесной синеве непонятное сооружение—нечто среднее между Пизанской башней и силосной. А за домом, невидимая глазу, тархтела бетономешалка... Как тут было не воскликнуть: «Ай да музыкант, как размахнулся!»

— Ау, маэстро!—покричал я.—Где вы, синьор Тосканини? Я привез вам привет от белых слонов. Явите страннику свой лик—мне не терпится вас обнять!

Вдруг из-за угла вывернулась кучка типов в грязных майках. Свиристые интонации и жесты не позволяли усомниться в том, что они никогда уже не сядут за круглый стол мирных переговоров. Однако вопреки внутренней логике ситуации тот, что был в заляпанной цементом соломенной шляпе, подхватил под руку того, что был без головного убора и с огромной заплатой в районе заднего брючного кармана. Правда, не так изящно подхватил, как это частенько делают коллеги на симпозиумах. И тому, с заплатой, это сразу не понравилось: он принял энергично вырваться. Тогда тот, в соломенной шляпе,—видимо, бригадир,—поднатужился и поволок его к выходу. Оппозиционер упрямылся, но бригадир все же распахнул калитку и прицельно выстрелил коленом в заплату.

И что поразило меня в этом мощном и хорошо натренированном движении—некая неуловимая грация. А когда бригадир, размашисто зашагав назад, повернулся ко мне боком, я ахнул: соломенная шляпа хоть и усекала безукоризненный римский профиль, но исказить его была не в силах!

Огорщенный, я радостно и бессвязно залепетал:
— Соседушка! У меня нет слов!.. Поражен метаморфозой... Я вернулся... Жажду интеллектуального общения...

Маэстро круто взял вправо и, не сбрасывая скорости, двинулся на меня. Точно имел намерение повторить на бис только что разыгранную сцену. Я невольно отпрянул от забора.

И тогда он заговорил. Все, что ушло в эфир из его уст, в весьма адаптированном, разнузданно вольном, преступно далеком от оригинала переводе звучало бы так: «Какого дьявола ты дерешь глотку, юридивый? Кому это интересно, что ты вернулся, гастролер? Ты отнял у меня шесть минут рабочего времени—затра отработаешь на ремонте туалета, тунец!»

В первый момент я почувствовал себя обиженным и даже униженным.

— Что вы себе позволяете?—шепотом вскричал я и по инерции присовокупил:—Сэр.

Вот этого нельзя было добавлять. Маэстро, наладившийся было воссиять, бульдогом метнулся на забор. Его рык в том же беспринципном переводе означал: «Нахвтался там, среди ученых самоваров, разного иноязычного хлама—думаешь, уже полиглот?! Добавляю тебе еще четыре минуты туалетных работ, сэр!» Разумеется, «сэр» было произнесено вразяжку и под аккомпанемент сардонического смеха.

А под занавес, точно пастух кнутом, он хлестнул меня феерическим, не слышанным мной доселе приловьем, которое, как на трех китах, держалось на одном и том же, но трижды повторенном словечке. Словечко было короткое, как пуля, и обладало той же убойной силой—непривычного сразило бы наповал. Но во мне уже бурно пробуждались и расцветали прежним махровым цветом увядшие было чернухинские нравы. Теперь я ничуть не чувствовал себя обиженным, а тем паче униженным. Напротив, моя кофейная физиономия была растянута белозубой рекламной улыбкой, источавшей профессиональный восторг.

— Титан! Прижиться в такие сжатые сроки! Феномен! Да что там—хозяин! Потенциальная гордость Чернухи!..

А гордость подхалимскому елею не внимала и была уже далеко—хватала за грудки другого умельца.

Зато к забору—по наущению ли, по подсказке ли дремучего инстинкта—мчались, астматически хрипя и бешено работая слюнными железами, две громадных зверюги—без намека на породу.

Я спешно ретировался, в смятении пытаюсь найти объяснение невероятному превращению одной красавицы колли сразу в двух монстров.

Получасом позже, отправившись на рынок за свежью, я поддался какому-то зыбкому наитию и, хоть это удлиняло путь, прошел вдоль новехонькой железной ограды дирижерской дачи. У высоченных глухих ворот я замер. На них с бесхитростной детской удалью были намалеваны масляной краской череп и кости и выведена доходчивая надпись:

НЕ ПОХОДИ—УБЫО!

Я хохотнул—негромко и с уважением.

мысль, что все эти тончайшие произведения златокузнечества, резки по камню, чеканки, ковки и штамповки были привозными. Да, Мцхета оживленно торговала и покупала. Но в том и дело, что археология верит только тому, что видит глаза. А глаза увидели в Саркине (Железное), что входила в пределы Великой Мцхеты, инструмент золотых дел мастеров, металлические орнаментированные штампы, части тиглей, незаконченную продукцию—словом, самые настоящие большие мастерские. И на Самтаврском поле, главным кладбище Великой Мцхеты,—захороненные вместе с усопшими весы, разновески и прочие профессиональные атрибуты золотых дел мастеров.

Есть письменные сведения о том, что в 65 году до нашей эры царь Иберии преподнес римскому военачальнику Помпею золотой трон, стол и ложе. И позднее, во втором веке нашей эры, сообщает другой письменный источник, царь Фарман подарил римскому императору золотое кресло и украшенное золотом облачение. Кто-то же

все это делал своими руками для царей и знати? Такие же художники и труженики, как Карсели...

Перед Великой Отечественной войной в ущелье коротенькой речушки Армази, впадающей в Куру, археологи обнаружили усыпальницу правителей отдаленных областей Грузии, так называемых питиахшей, или по-грузински эриставов. Несколько гробниц, саркофаги из цельных каменных блоков и богатейший инвентарь.

Тогда-то мы и узнали имя женщины из Великой Мцхеты, «молодой и бесподобной по красоте».

Серафита... Имя это, чарующее, протяжное, терпкое, как глоток молодого вина, завораживало не одно поколение грузинских поэтов.

Время пощадило юную красоту младшей дочери питиахша Зеваха. Столетия пронесли над этой гробницей, а облик мцхетской красавицы дошел до наших дней в своей живой прелесть.

Каким-то чудом в гробнице оказался корень гранатового дерева, проскользнувший в кольцо браслета...

*И встретились:
бессмертья твоего
прекрасная и мертвая громада
и маленькое дерево граната,
возникшее во мгле из ничего.*

Не устаю, повторю прекрасные строки Симона Чиковани—каждая будто чеканена временем на туй си-неве вечернего пространства.

*Ум дерева не ведает иной
премудрости:
лишь детское хотенье
и впрямь расти, осуществлять
цветенье
и алчно брать у щедрости земной.*

*Не брезгуя глубокой тьмой земли,
в блаженном бессознании умнейшем,
деревья обращаются к умершим
и рыщут пользы в прахе и пыли.*

*Но что имел в виду живой росток,
перерастая должные границы,
когда проник он в замкнутость
гробницы
и в ней сплоченность мрамора
расторг?*

Этот воздух Кавказа, настоящий на миллионы тончайших запахов, в которых перемешались цветение долин и грозное дыхание гор, эта мягкая, обволакивающая синь южного неба, эта невообразимая палитра красок и звуков—все входит в душу пронзительной красотой и поэзией.

Прошлое, настоящее, будущее щедрой грузинской земли, будто собранные в фокусе, фантастическими лучами блеснули вдруг в засохшем корне гранатового дерева.

И строка выжета к строке, и стихи пронзают время, прессуют его в драгоценный камень.

*Влекло его твое небытие
пройти сквозь твердь плиты
непродолимой,
чтобы припасть к твоей руке родимой,
удостоверься в тонкости ее.*

*С великим милосердием дерев
разнял он узкий холодок браслета
и горевал, что ты была бессмертна
лишь вечно, лишь потом,
лишь умерев.*

здесь слагался свой неповторимый жизненный уклад.

Хлеб горца всегда был нелегок: солнца и плодов мало, снега и опасностей много. Сами условия жизни сделали их мужественными. Они не имели права знать слабости, потому что слабость в этих местах стоит жизни. Это относится и к мужчине и к женщине. Женщина — в почете, всегда вместе, на равных — в труде, за трапезой, на сходках при решении важных для общества вопросов.

Жизнь в горах научила горца наблюдать, думать, уметь. От чего-то он сильно отстал, но что-то очень светлое, истинно человеческое сохранил.

...В ущельях бродят туманы, по склонам гор вьются узкие тропы, над селениями возвышаются башни, оплот обороны, загадка древней архитектуры. Горные селения расположены так, чтобы солнце как можно боль-

теплицей» Грузии Ниной был поставлен деревянный крест, символ новой религии. Затем правитель Грузии Гуарам рядом с крестом построил маленький храм. А вскоре (это было в конце VI века) над крестом и малым храмом появился объявляющий их обоим храм Креста Мцхетского, тот, что мы видим и сегодня. Видим и поражаемся яркому дарованию неизвестного архитектора, его высочайшему вкусу и строительному мастерству. Джвари (так называется храм по-грузински), поставленный над крутым обрывом на подпорную стену, естественно венчает гору. Он как бы врос в нее или вырос из нее. И смотрится отовсюду — прямо, сбоку, сверху, снизу, — и умиротворяет

**ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО НАД
ИСКУССТВОМ МЦХЕТСКИХ
ХУДОЖНИКОВ-ГОНЧАРОВ.**

ущелье Армази — развалины Армазского монастыря, который в свое время был убежищем великого моурави Георгия Саакадзе... На вершине Армази — маленькая часовня на месте армазского идола... Не менее сорока памятников архитектуры донесла до наших дней Мцхета. Сколько в каждом из них труда человеческого, а вокруг них — страстей и борьбы!.. На одной из самых оживленных туристских дорог республики лежит Мцхета. И неудивительно, что здесь так людно: древняя история земли грузинской стала в наши дни достоянием всех граждан Страны Советов — нашим общим культурным наследием.

Да, Мцхета — город-музей... Но музей особый, где прошлое и настоящее неразделимы. Из поколения в поколение выращивается здесь знаменитый сад Мамулашвили — образец садоводческого декоративного искусства, для художников многих национальностей мцхетские сокровища — источник вдохновения, каждый житель сегодняшней Мцхеты ничуть не хуже профессионального гида может рассказать вам о Мцхете Великой...

И символично, что именно городская комсомольская организация шефствует нынче над памятниками старины. Юность и далекое прошлое края идут здесь рука об руку.

С вершины Зедазени видно сегодня многое и вдаль, и вглубь, и вокруг, и прямо перед собой. Видна и седая старина и дорога, без усталости несущая на себе потоки машин. Видны туристские кемпинги и железнодорожные составы, спешащие в Москву и из Москвы, Земо-Авчальская ГЭС и памятник Ильичу у плотины, один из старейших памятников основателю первого в мире государства рабочих и крестьян.

А там, дальше — здание экспериментального атомного реактора института физики Академии наук республики, водохранилище со спортивной лодочной базой...

Много, много всего на одном пятачке!

И ничто не мертво, все в движении, все живет...

**КИНТО — ЮНЫЕ УЧАСТНИКИ
АНСАМБЛЯ НАРОДНОГО ТАНЦА
«ШЕВАРДЕНИ»
ИЗ СЕЛА ЦЕРОВАНИ.**

**ЕСЛИ ХОЧЕШЬ МЦХЕТУ
«ОКИНУТЬ МИГОМ», ПОДНИМИСЬ
НА ВЕРШИНУ ЗЕДАЗЕНИ.**

ше одаривало их, чтобы были здесь и пахотные земли, и чтобы вплоть до горизонта длился радужный простор Грузии.

Стою возле Мцхеты.

Вижу все это будто воочию!..

Горы никогда не могут наскучить, потому что они разные. Можно без усталости разглядывать их: синие издали, зеленые вблизи. Разглядывать с пещих троп, из автомашины, из иллюминатора самолета, со спин крепких, выносливых коней. Они словно скрывают что-то. И чудится: сейчас раздвинутся, и мы увидим самое интересное...

Как и сейчас, вершины их синели и тогда. Как и сейчас, видели их мцхетские жители, собираясь у домашних очагов.

Если хочешь Великую Мцхету «окинуть мигом», надо подняться на вершину прекрасной Зедазени. Когда-то здесь, как и в Армази, стояло языческое божество. Сейчас — руины монастыря.

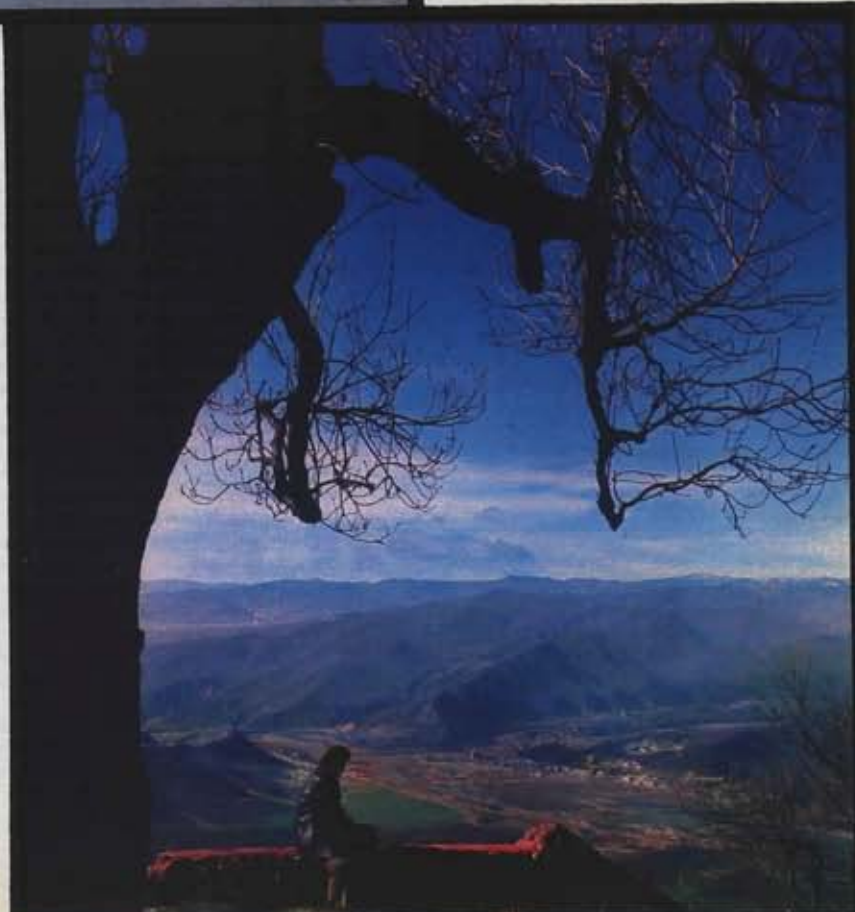
С высоты Зедазени таким маленьким, игрушечным кажется самый красивый и лучше всех сохранившийся храм, который мцхетцы выстроили на горе, прямо против слияния Арагвы и Куры. Именно его имел в виду Лермонтов в своем «Мцыри». Сначала (по преданию) на этой вершине «просвети-

своим строгим лаконичным силуэтом, и внушает уважение к людям, которые могли так смело творить и так остро ощущать красоту.

К этому времени древняя Мцхета сняла уже с себя полномочия столицы. Она несла их восемь столетий. Царь Вахтанг Горгасал перенес свою резиденцию в Тбилиси, Мцхета же осталась центром религиозным. Можно сказать, что, отъединившись от политических и экономических государственных забот, она с тем большим рвением посвятила себя идеологии. И если в дохристианской Мцхете о времени и о себе рассказывают подземные памятники, то после утверждения христианства представление о мцхетской жизни складывается в основном по тому, что осталось на земле. Да, археологи тут уступают место исследователям древнего зодчества.

В самой гущине Мцхеты стоит кафедрал Светицховели (Животворящий столп) — богато орнаментированная и великолепно организованная каменная громада, свободно противостоящая окрестным горам. Начало XI века. Архитектор Арсукидзе.

Возле Самтаврского поля с древними погребениями — храм Самтавро. Тоже XI век. И тоже хорошо тесанный желтоватый камень. В красивом

Агата КРИСТИ

ЗАВЕЩАНИЕ В ХАНТЕРБЕРИ

Перевод с английского Ирины БУЖИНСКОЙ

III

Наконец, будто очнувшись, девушка поднялась и пошла разыскивать Родди. Она нашла его в гостиной и, обращаясь к нему, сказала:

— Ну, с одним делом покончено! Пятьсот фунтов миссис Бишоп, сотню кухарке и по пятьдесят обоим горничным. Остается старик Джеррард в сторожке. Наверное, надо дать ему что-нибудь вроде пенсии...

Она сделала паузу и потом быстро продолжала: — Я даю две тысячи Мэри Джеррард. Мне кажется, тетя сделала бы то же самое, как ты думаешь?

Родди ответил, отворачиваясь к окну и избегая ее взгляда:

— Ты совершенно права, Элинора. Ты всегда поступаешь так разумно.

Элинора на секунду затаила дыхание, а затем заговорила так стремительно, что слова наскакивали одно на другое:

— Еще одно, Родди. Я хочу, чтобы ты получил свою долю. Это будет только справедливо.

Родди повернулся к ней, его длинное породистое лицо было бледно от гнева:

— Не нужны мне эти треклятые деньги! Они твои по закону, и кончим с этим! Я не возьму у тебя ни гроша и не нуждаюсь в твоих благодеяниях.

— Родди!

Молодой человек опомнился.

— Прости, дорогая, я сам не знаю, что несу... такой у меня в голове кавардак.

Помолчав, он нерешительно спросил:

— Ты не знаешь, что собирается делать... Мэри Джеррард?

— По ее словам, хочет учиться на массажистку. Наступило молчание. Затем Элинора, откинув назад голову, заговорила быстро и уверенно:

— Послушай моего совета, Родди. Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Сделай вот что: отправляйся за границу, скажем, на три месяца. Тебе будет нетрудно это устроить. Сейчас ты думаешь, что любишь Мэри Джеррард. Может быть, это и так. Но пока не время говорить с ней об этом. Наша помолвка окончательно расторгнута. Следовательно, уезжай как свободный, ничем не связанный человек и за эти три месяца разберись в себе. Если ты поймешь, что действительно любишь Мэри, что ж, возвращайся, скажи ей, что ты уверен в своем чувстве, и тогда, возможно, она тебя иначе выслушает.

Родди подошел к ней и взял за обе руки.

— Ты чудо, Элинора! Какая у тебя ясная и трезвая головка — и никакой мелочности. Ты даже представить себе не можешь, как я тобой восхищаюсь. Я сделаю, как ты советуешь, уеду и постараюсь понять, действительно ли мне без нее не жить или я просто обманываю сам себя, как последний идиот. Ах, Элинора, ты всегда была в тысячу раз лучше и благороднее меня. Спасибо тебе за все!

Повинуясь внезапному порыву, он поцеловал ее в щеку и почти выбежал из гостиной. Хорошо, что он обернулся и не видел ее лица.

IV

Спустя несколько дней Мэри рассказала сестре Хопкинс об открывшихся перед ней перспективах на будущее. Практичная особа горячо поздравила девушку, не позабыв воздать должное щедрости Элиноры Карлайл.

— А мне все-таки кажется, — задумчиво проговорила Мэри, — что она меня недолюбливает.

— Надо думать! — рассмеялась медсестра. — Ну, не прикидывайтесь невинной овечкой, Мэри. Мистер Родерик влюбился в вас сразу и по уши. А вам он как, девочка моя?

Мэри колебалась.

— Я... не знаю. Не думаю, чтобы он мне особенно

нравился. Но, разумеется, он очень милый. — Девушка поспешила переменить тему разговора: — Как вы думаете, сестра, что мне делать с папой? Он хочет, чтобы я отдала ему часть денег.

Хопкинс ответила сразу и категорически:

— Не глупите, Мэри. Миссис Уэлман это наверняка не понравилось бы. Вообще, я думаю, не будь вас, этот старый лодырь давно вылетел бы с работы.

— Все-таки странно, — задумчиво произнесла девушка, — что миссис Уэлман так и не написала завещания.

Хопкинс только покачала головой.

— Таковы уж люди. Всегда они тянут с этим делом, боясь накликать смерть.

— Какое нелепое суеверие!

Ее собеседница лукаво прищурилась.

— А вы, Мэри, составили завещание?

Та удивленно взглянула на нее.

— Да мне раньше и завещать-то было нечего, вот разве что теперь... А, впрочем, куда торопиться?

— Вот, пожалуйста, — сухо и даже чуть осуждающе прокомментировала Хопкинс. — Вы точно такая же, как все. Если вы молодая и здоровая девушка, это еще не значит, что завтра вас, скажем, не может сбить машина на улице.

Мэри рассмеялась.

— Я даже не знаю, как составлять завещание.

— Проще простого. Бланк можно взять в почтовом отделении. Если хотите, можем зайти туда прямо сейчас.

В коттедже Хопкинс они разложили на столе бланк и всерьез обсудили дело. Медсестра явно наслаждалась этой затеей.

Мэри поинтересовалась:

— Кто получит деньги, если я не оставлю завещания?

— Надо думать, ваш отец, — несколько неуверенно ответила Хопкинс.

— Нет уж, — нахмурилась девушка. — Лучше я оставлю их моей тетушке в Новой Зеландии. Правда, я не помню ее адреса, мы не получали от нее вестей уже несколько лет.

— Наверное, это и необязательно, — успокоила ее Хопкинс. — Вы знаете ее имя и фамилию?

— Мэри, Мэри Рили.

— Тогда все в порядке. Просто напишите, что вы оставляете все Мэри Рили, сестре покойной Элизы Джеррард из Хантерберри, Мэйденсфорд.

Мэри склонилась над бланком и начала заполнять его. Внезапно она вздрогнула: чья-то тень заслонила от нее солнечный свет. Она подняла голову и увидела Элинору Карлайл, заглядывавшую в окно коттеджа. Элинора спросила:

— Чем это вы так заняты, Мэри?

Хопкинс ответила со смехом:

— Она составляет завещание.

— Завещание? — Неожиданно Элинора тоже рассмеялась, как-то странно, почти истерически. Потом смех оборвался, и она сказала: — Значит, вы пишете завещание, Мэри? Это забавно, это очень забавно...

Вновь засмеявшись, она быстро пошла прочь по улице, а обе женщины удивленно смотрели ей вслед.

V

Элинора, все еще смеясь, успела сделать только несколько шагов, как вдруг кто-то сзади дотронулся до ее руки. Она резко остановилась и обернулась. Доктор Лорд, слегка нахмурившись, смотрел ей прямо в глаза.

— Чему это вы смеетесь? — бесцеремонно спросил он.

Элинора вспыхнула:

— По правде говоря, сама не знаю. Я заглянула в коттедж вашей медсестры и увидела, как Мэри Джеррард пишет свое завещание. Почему-то это

меня рассмешило... Право, не знаю, что это со мной.

Врач, по-прежнему не отводя от нее взгляда, поинтересовался:

— Вы еще долго пробудете здесь?

— Завтра уезжаю.

Тон у нее был сухой, и она протянула Лорду руку, явно желая положить конец неожиданной встрече. Тот задержал ее руку в своей и заговорил серьезно и настойчиво:

— Прошу вас, мисс Карлайл, скажите мне, о чем вы думали только что, когда смеялись?

Элинора нетерпеливо вырвала руку.

— Просто мне показалось это забавным!

— Что Мэри Джеррард составляет завещание? Но почему? Это вполне разумный поступок, предотвращающий массу осложнений.

Элинора, по-видимому, потеряла остатки терпения.

— Конечно, каждый должен составить завещание. Я имела в виду совсем другое.

Неожиданно доктор Лорд спросил:

— Как насчет вас?

— Меня?

— Только что вы сказали, что каждый должен составить завещание. Вы составили свое?

Она минуту смотрела на него, потом вновь разразилась смехом.

— Как странно! — воскликнула девушка. — Нет, я еще не успела подумать об этом. Но вы подали мне идею, доктор. Я сейчас же напишу мистеру Седдону.

— И правильно делаете, — одобрил Лорд.

VI

Сидя дома в библиотеке, Элинора проглядела только что написанное ею письмо.

«Уважаемый мистер Седдон, прошу Вас составить для меня завещание и прислать его мне на подпись. Завещание очень простое. Я оставляю все, что у меня есть, Родерику Уэлману без каких бы то ни было условий.

Искренне Ваша Элинора Карлайл».

Вдруг Элинора вспомнила, что у нее вышли все марки. Впрочем, кажется, наверху, в спальне, должно быть еще несколько штук. Она пошла наверх. Когда Элинора вернулась в библиотеку с марками в руке, Родди стоял у окна. Он сказал:

— Итак, завтра мы уезжаем. Прощай, старое, доброе Хантерберри. Хорошие деньки провели мы здесь.

— Я собираюсь продать поместье. Ты не против?

— Нет, нет! Это, пожалуй, самое лучшее, что можно сделать.

В наступившем молчании Элинора взяла свое письмо, вложила его в конверт, запечатала и наклеила марку.

Глава шестая

Из письма сестры О'Брайен сестре Хопкинс.

«14 июля, Лабораф-корт.

Дорогая Хопкинс!

Наконец собралась написать вам. Дом здесь неплохой, хотя и не такой уж уютный и удобный, как в Хантерберри. Хочу рассказать вам о любопытном совпадении, которое наверняка вас заинтересует. Здесь в гостиной стоит на роляе фото в серебряной рамке, и, поверите ли, это то самое, подписанное «Льюис», на которое, помните, хотела тогда взглянуть миссис Уэлман. Я, конечно, была заинтересована, да и кто бы не заинтересовался на моем месте? Так что я спросила у дворецкого, кто это, и он сказал, что это брат хозяйки, жены моего теперешнего пациента (у бедняги воспаление легких). Его звали сэр Льюис Райкрофт. По-видимому, он жил недалеко отсюда и был убит на войне. Я спросила, был ли он женат, и дворецкий сказал, что да, но бедная леди Райкрофт вскоре после замужества была помещена в клинику для умалишенных. По его словам, она еще жива. Интересно, правда?.. Они с миссис У., наверное, очень любили друг друга, но не могли пожениться из-за того, что у него жена в сумасшедшем доме и ему не дали бы развода. Прямо как в кино... А она помнила его все эти годы и смотрела на его фото как раз перед смертью».

Из письма сестры Хопкинс сестре О'Брайен.

«14 июля, Роуз-коттедж.

У нас в основном все по-прежнему. Хантерберри продается. Я на днях встретила миссис Бишоп, и она, конечно, очень расстроена. Она, видно, была уверена, что мисс Карлайл выйдет за мистера Уэлмана и будет жить здесь. Но теперь мисс Карлайл уехала в Лондон. Она иногда бывала такой странной, что я не знала, что и думать. Мэри Джеррард тоже отправилась в Лондон и собирается учиться на массажистку.

МОИ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ТАНЦА

**Игорь МОИСЕЕВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии,
народный артист СССР.**

В 1958 году, в дни первого визита Ансамбля народного танца Союза ССР в США, во время встречи в нью-йоркском отеле «Уолдорф Астория» с американскими журналистами среди множества вопросов, касающихся нашего искусства, мне был задан и такой вопрос: «Сэр, хотели бы вы стать миллионером?» «Разумеется, нет»,— ответил я. «Почему?» Репортеры, исполненные нетерпения и любопытства, немедленно схватились за авторучки и блокноты, стали поближе пододвигать ко мне микрофоны миниатюрных магнитофонов. «Мне ни к чему быть миллионером,— ответил я,— так как наш ансамбль щедро поддерживается государством. Мой личный «капитал» выражается не в тех миллионах, которые, с вашей точки зрения, служат главным признаком человеческого благополучия и счастья. Многие годы плодотворной жизни коллектива, сотни танцев, составляющих его репертуар, миллионы зрителей в десятках стран мира, тысячи городов, где мы выступали с концертами,— вот что является смыслом моей жизни, дает мне силы постоянно искать, дерзать, творить».

Да, наш Ансамбль народного танца— это сорок лет моей жизни, сорок лет неустанного творчества. Сегодня сильнее, чем когда бы то ни было, я испытываю «субъективное» удовлетворение, глядя на его успехи и достижения. Однако и три десятилетия жизни, предшествовавших рождению ансамбля, жизни очень интересной, напряженной, может быть, в чем-то необычной, из биографии тоже не выбросишь. Тем более, что именно эти 30 лет и заложили тот крепкий фундамент, на котором основывается творческая деятельность коллектива, художественным руководителем которого я являюсь со дня его основания.

Отец мой, Александр Моисеев, выходец из семьи старых русских интеллигентов, окончил два факультета и в совершенстве владел пятью языками. Громкая библиотека отца, насчитывавшая тысячи томов по различным отраслям знаний, знаменитая Флеровская гимназия, где преподавали лучшие педагоги— профессора университетов и авторы учебников,— с этого началось мое образование. Сначала увлекался философией, историей, очень любил спорт, особенно плавание, шахматы. Забегая вперед, скажу, что был чемпионом Москвы по шахматам среди школьников, имел первый разряд. Впрочем, и сейчас, спустя полвека, стараюсь не упустить возможности— в Москве и даже на гастролях— поплавать в бассейне, сыграть «испанскую» в шахматы. Кстати, в нашей школе-студии, откуда черпает ансамбль пополнение, спорту отводится очень большая роль, прежде всего спортивной и художественной гимнастике, акробатике.

Отец вообще любил все, что было связано с культом здорового и красивого тела. Поэтому каникулы мои превращались в увлекательнейшие путешествия по Украине, особенно по Полтавщине— там жили сестры отца, сельские учительницы. Так я исходил пешком все хутора и деревеньки в окрестностях гоголевской Диканьки. Яркие хороводы и песни, зажигательные украинские пляски, любопытные театрализованные сказания, во многом напоминавшие древние игры, разбудили во мне интерес к этнографии.

В 14 лет родители отдали меня в частную студию бывшей балерины Большого театра Веры Ильиничны Мосоловой. Отец любил говорить: «Кем бы ты ни был в жизни, грация и выносливость тебе всегда пригодятся». Думаю, говорил он это скорее из соображений оздоровительно-гигиенических, чем каких-то других. Проучился я в студии месяца четыре. И вот в один

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОИСЕЕВ СО СВОИМИ УЧЕНИКАМИ.

прекрасный день эта властная, волевая женщина, безумно преданная своему делу, взяла меня за руку и повела на конкурс молодых артистов, поступающих в хореографическую школу Большого театра. «Как же так, Вера Ильинична, ведь всего-то четыре месяца прошло,— лепетал я, шагая рядом,— может, подождать?..» «Нечего ждать,— отвечала она,— выдержи!» Ну, думаю, раз сама Мосолова так считает, надо попробовать. Класс давал Леонид Алексеевич Жуков. После класса он подходит ко мне и говорит: «Попробуй-ка антраша катр рояль». С грехом пополам узнал, что от меня требуется, и попытался сделать это движение. Короче говоря, меня приняли.

Разумеется, радость моя была велика— ведь я оказался в школе, где раньше учились дети только «балетных». По существу, попал я в первый послереволюционный набор, когда положение в Большом театре складывалось тяжелое: многие старые артисты балета эмигрировали за границу, нового пополнения несколько лет не было. Поэтому доверие, оказанное нам, балетным новичкам, вызвало во мне, как нынче говорят, здоровые эмоции. Вот с этого момента и началась моя артистическая биография. Формировалась она под влиянием разных художественных школ, течений, стилей. Да и время было тяжелое: голод и холод, казалось, старались перещеголять друг друга. В то же время Москва жила романтикой Октября, люди энергично брались за строительство новой жизни. Несмотря на многие житейские трудности, мы, артистическая молодежь, не унывали: жадно впитывали в себя все, что могло пригодиться в дальнейшем,— посещали театры, музеи, картинные галереи...

Всеволод Мейерхольд выдвинул тогда нашу новую программу «Театральный Октябрь», под знаком которой объединялась творческая молодежь. Программа призывала к созданию нового революционного театра, широко использующего традиции народных и площадных зрелищ, к поискам новых приемов выразительности. Первым таким спектаклем, открывшим эпоху революционного театра, были «Зори» на стихи бельгийского поэта Э. Верхарна. Артисты, участвовавшие в спектакле, не пользовались ни гримом, ни париками, а в оркестровой яме, как в старинном театре, находился хор, который комментировал представление. Пьеса заканчивалась патриотическим митингом с пением «Интернационала», который исполнялся и на сцене и в зрительном зале.

Залпомнились мне и диспуты тех лет на театрально-музыкальные темы. На них, как принято теперь говорить, присутствовала вся литературно-театральная Москва. Здесь можно было встретить А. Луначарского, В. Маяковского, С. Есенина, А. Блока и других выдающихся деятелей культуры и искусства.

В ту пору расплодилось, словно грибы после дождя, всевозможные театрики, кружки, кафе с самыми разнообразными названиями: «Нерыдай», «Коробочка», «Стоило Пегаса», «Привал комедиантов» и т. д. Среди посетителей этих популярных заведений можно было встретить И. Ильинского, М. Жарова, А. Кторову, Л. Утесова— всех не перечислить. Захватывал в них— в основном в зимнюю пору— и я.

А летом— снова походы и путешествия: на плотах, на лошадях и лодках, пешком с рюкзаком на плечах. Исходили мы с отцом Хевсуретию, Сванетию, Бурят-Монголию, Крым... Именно в этих путешествиях креп-

Хопкинс безмерно наслаждалась беседой.
 — Не правда ли? Совершенно случайно я узнала кое-что об этом деле. По правде сказать, это сестра О'Брайен навела меня на след, но это уже другая история.
 Пуаро рискнул спросить:
 — Вы знаете, быть может, кто был настоящий отец Мэри Джеррард? — и получил неохотный ответ:
 — Может, знаю, а может, и нет. Грехи отцов, говорят, падают на детей. Но я не из сплетниц и не скажу больше ни слова.
 Пуаро счел разумным отступить и перейти к другой теме.

— Есть еще один шекотливый момент, но я уверен, что могу положиться на ваши деликатность и знание жизни.
 Добродушное лицо сестры Хопкинс расплылось в самодовольной улыбке.
 — Я имею в виду мистера Родерика Уэлмана. Как я слышал, он был увлечен Мэри Джеррард?
 — Он был без ума от нее!
 — Она поощряла его в ухаживаниях?
 В ответе Хопкинс прозвучало возмущение:
 — Мэри вела себя очень хорошо. Никто не мог сказать, что она завлекала его!
 — Но, я полагаю, со временем из этого могло бы что-нибудь выйти?
 — Возможно, — признала Хопкинс. — Но Мэри не стала бы спешить. Она сказала ему здесь, что он не должен так говорить с нею, пока обручен с мисс Элиной. И повторила то же самое, когда он заявился к ней в Лондоне.

Пуаро спросил с глубоко заинтересованным видом:
 — А что вы сами думаете о Родерике Уэлмане? Например, очень ли он любил свою тетку? Много ли времени проводил около нее, когда она была так больна?
 — Вы имеете в виду, когда с ней приключился второй удар? В ту ночь, когда она умерла? Я полагаю, он даже не входил к ней в комнату.
 — Вот как?

Хопкинс быстро добавила:
 — Она не звала его. И мы понятия не имели, что конец близок. Знаете, мн' гие мужчины так: боятся зайти к больному в комнату. И это вовсе не от бессердечия: просто они не хотят расстраиваться.
 Пуаро, однако, настаивал:
 — Вы уверены, что мистер Уэлман не входил в комнату своей тетки перед тем, как она умерла? Не мог ли он, например, сделать это, когда вас там не было?

Хопкинс моментально оцепенела.
 — Я не бросаю своих пациентов без присмотра, мистер Пуаро.
 — Тысяча извинений. Я не то имел в виду. Я просто думал, может, вы спустились вниз вскипятить воду или взять какое-то лекарство...
 Смягченная его раскаянием, Хопкинс сказала:
 — Я спускалась вниз, чтобы заменить воду в грелках. Это заняло у меня минут пять, не больше.
 — А, значит, мистер Уэлман мог в это время заглянуть в комнату... Но довольно об этом. Следовательно, вы больше ничего не можете сказать мне о Мэри Джеррард?

После заметной паузы сестра Хопкинс ответила:
 — Я ничего не знаю.
 — Вы уверены в этом?
 Та сказала несколько невпопад:
 — Вы не понимаете... Я любила Мэри.
 — И это все, что вы можете мне сказать?
 — Да, все — и это мое последнее слово!

Глава четвертая

В присутствии величественной миссис Бишоп, затянутой в черные шелка, Пуаро держался подчеркнуто скромно, как и подобает ничтожному иностранцу. Войти в доверие к достойной леди было делом нелегким. Во-первых, она крайне неодобрительно относилась к любым иностранцам. Во-вторых, ни в грош не ставила доктора Лорда, представившего ей Пуаро. Доктора она считала безотчетным мальчишкой и дерзким выскочкой.
 Понадобился умело оброненный Пуаро намек на то, что он в качестве знаменитого детектива входит в высшие круги общества (коими миссис Бишоп безоговорочно восхищалась), чтобы заставить бывшую домоправительницу разговаривать на интересующую его тему. Одной из таких тем была Элинора Карлайл.

— Я думаю, — сказал Пуаро, — миссис Уэлман хотелось еще при жизни пристроить свою племянницу?
 Миссис Бишоп кивнула.
 — Конечно. Она так радовалась помолвке мисс Элиноры и мистера Родерика. Покойная хозяйка всегда надеялась, что они поженятся. Да и они обожали друг друга.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

— И все-таки помолвка расстроилась.
 Краска бросилась в лицо миссис Бишоп, в ее голосе послышались раскаты грома:
 — Из-за происков некоей змеи, притаившейся в траве, мистер Пуаро, да, да!
 Пуаро казался должным образом потрясенным и заинтригованным таким заявлением, и воодушевленная миссис Бишоп продолжала:
 — В нашей стране не принято говорить о мертвых плохо... Но эта девушка, мистер Пуаро... О, это была хитрюга, каких мало. Кого угодно могла обвести вокруг пальца. Сестру Хопкинс, например, да и мою бедную дорогую хозяйку. Бедняжка быстро сдавала, и эта молодая особа втерлась к ней в доверие. А та в ней просто души не чаяла, никаких денег не жалела. Дорогие школы и образование за границей — и все ради дочери старого Джеррарда! Но ему это было совсем не по вкусу, смею вас уверить. Она лезла туда, где ей было совсем не место, вот что я вам скажу.
 Пуаро покачал головой и издал что-то вроде сочувственного вздоха.
 — А уж как она кокетничала с мистером Родериком! Но мужчины все одинаковы: падки на лесть и смазливую мордочку. А ведь у нее был Тед Бигленд, такой славный и достойный парень. Но куда там! Наша важная леди была слишком хороша для него!
 Наступила очередь Пуаро.
 — Вы очень заинтересовали меня, миссис Бишоп, — медоточиво журчал он. — У вас редкостный дар несколькими словами точно обрисовать характер. Я ясно представляю теперь себе Мэри Джеррард. Интересно, чем все это могло кончиться?
 — Вот именно! — воскликнула миссис Бишоп. — Я вижу теперь, что смерть моей дорогой хозяйки была на самом деле благом. Дело шло к тому, что она могла оставить этой девушке все, до последнего пени. А та только этого и добивалась... Но, слава господу, зло не всегда торжествует, и на свете еще есть справедливость.
 — Да, — сказал ее собеседник, — Мэри Джеррард мертва, и обстоятельства ее смерти, по-видимому, совершенно необъяснимы.
 Бывшая экономка только отмахнулась.
 — Уж эти полицейские со своими новомодными идеями! Мыслимо ли, чтобы такая приличная и воспитанная молодая леди, как мисс Элинора, кого-то отравила?! Ах, надо было мне все-таки пойти с

нею тогда, в тот несчастный день, хотя она и не хотела этого.
 — Но, — почтительно вставил Пуаро, — у вас, безусловно, были другие важные дела.
 — Да нет, ничего особенного. Я просто пошла на кладбище, чтобы положить несколько цветков на могилу миссис Уэлман в знак уважения к ее памяти, вы понимаете?
 Пуаро смотрел на нее с восхищением.
 — Я завидую вам, миссис Бишоп. Как это прекрасно, когда тебе не в чем упрекнуть себя по отношению к умершим! Я уверен, мистеру Родерика Уэлману не по себе, когда он думает, что так и не повидался со своей тетушкой в ту ночь, хотя, разумеется, он не мог знать, что она отойдет в мир иной так внезапно.
 — Но вы ошибаетесь, — живо перебила его почтенная дама. — Мистер Родди входил в комнату своей тети. В тот момент я сама как раз была на площадке лестницы. Я слышала, как сестра Хопкинс сошла вниз, и решила выйти посмотреть, не нужно ли что-нибудь хозяйке. Знаете, что за народ эти сиделки... Так что я видела, как мистер Родди проскользнул в комнату своей тети. Я не знаю, узнала она его или нет, но, во всяком случае, ему не в чем упрекнуть себя.
 — Миссис Бишоп, я вижу, вы женщина весьма здравомыслящая, и на ваше суждение можно положиться, — продолжал ворковать Пуаро, — как вы думаете, отчего умерла Мэри Джеррард?
 Та фыркнула.
 — Подумаешь, тайна! Конечно, отравилась этим пахтетом от Эббота. Он же месяцами держит банки на полках.
 — Но морфин... — робко заикнулся Пуаро.
 — Я ничего не знаю насчет морфина, но зато знаю врачей: поручите им обнаружить что угодно, и они обнаружат это. Тухлый рыбный пахтет их не устраивает, это для них, видите ли, слишком просто!
 — А вы не думаете, что Мэри Джеррард совершила самоубийство?
 — Она? Самоубийство? Это когда она нацелилась выскочить замуж за мистера Родди? Да ни за что на свете!

Продолжение следует.

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОЧЕМУ АКУЛЫ НЕ БОЛЕЮТ?

Морские хищники—акулы—никогда не страдают инфекционными заболеваниями и вообще отличаются завидным здоровьем: все случайные раны зарастают у них с необыкновенной быстротой. Американские биологи из университета в Майами выяснили, что это связано с наличием в крови акул широкого спектра антител. Обычно у живых организмов антитела образуются только при угрозе вторжения антигенов, однако акулы имеют это мощное оружие для противодействия болезням постоянно. Особый интерес пред-

ставляет то обстоятельство, что содержащиеся в крови акул антитела задерживают развитие злокачественных образований, препятствуют размножению вирусов и бактерий, которые поражают организм человека. После разгадки биологического механизма столь активного сопротивления акул различным заболеваниям ученые предполагают использовать полученные знания в медицине.

«НАУКА И ТЕХНИКА
ЗА МЛАДЕЖТУ», БОЛГАРИЯ

«SOS» КОПЕНГАГЕНА

Подобно Венеции, столица Дании находится в опасном положении. Сотни исторических зданий, среди которых резиденция королевской семьи—старинный замок Амалиенбург, медленно оседают.

Причина этого—в разрушении фундаментов. Так же, как и итальянский «город каналов», «Северная Венеция» (так часто называют Копенгаген) построена на фундаментах, опирающихся на деревянные сваи.

В результате повышения уровня подпочвенных вод сваи пришли в соприкосновение с воздухом. Деревя начали повреждать бактерии, грибки и другие микроорганизмы,

что и привело к медленному оседанию зданий.

Спасли старинные памятники архитектуры в принципе, конечно, возможно. Разработанные планы предусматривают поэтапное извлечение поврежденных деревянных свай и замену их бетонными опорами либо, в другом варианте, заливку небольшими порциями новых цементных фундаментов.

Оба проекта, однако, очень дорого стоят. Только на спасение Амалиенбурга потребуется израсходовать шесть миллионов долларов.

«ШТИЙНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

ДЕТЯМ АНГОЛЫ

Вот и еще один детский сад открылся в Луанде, столице Анголы... К числу особенно важных достижений в Международный год ребенка народная власть относит меры по охране здоровья юного поколения. 3,2 миллиона анголез-

ских мальчишек и девочек сделаны прививки против детского паралича. Вакцина получена из Советского Союза.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

ТЕАТР НА БАРЖЕ

В канале Сен-Мартен в десятом районе Парижа можно увидеть стоящую на якоре грузовую баржу, «экипаж» которой составляют молодые артисты. Прикрепленный к мосту плакат сообщает, что здесь выступает театр «Наивные ласточки».

Театральные представления на барже, вмещающей 150 зрителей, открылись осенью 1975 года. Начало было положено режиссером Мирей Парош, которая вместе с Жаном-По-

лем Фарре создала театр с двенадцатью актерами. Подвижность необычного «театрального зала» дает возможность коллективу выступать не только в Париже, но и за его пределами. Доступность цен на билеты и интересная программа, включающая в том числе и детские представления, привлекают большое число зрителей.

«ЛИК», БОЛГАРИЯ

ИМПЕРИЯ ОДНОРУКИХ БАНДИТОВ

Когда-то посреди Невадской пустыни забил два подземных источника, напивав жизнью опаленную солнцем землю. Испанцы, тогдашние хозяева здешних мест, назвали цветущий оазис Лас-Вегас-Луки, что в вольном переводе означает «Зеленый лужок», и устроили здесь почтовую станцию. Долгое время здесь было сравнительно тихо, и только изредка можно было встретить индейцев, скакавших на своих мустангах. Но в сороковых годах прошлого века некий Бригэм Юнг, глава практикующей многоженство секты мормонов, прибыл сюда, чтобы обратить индейцев на путь истинный. Однако ни уговоры, ни пули не смогли обратить злокозненных язычников в мормонскую веру, и Бригэм Юнг для защиты своих 28 жен и нескольких десятков детей построил укрепление. Оно-то и послужило ядром создания Лас-Вегаса, именуемого теперь «градом искушения». Ныне Лас-Вегас, напрочь забывший добродетельные увещевания мормона-многоженца Бригэма Юнга, стал всемирной столицей азарта. По сравнению с Лас-Вегасом провинциально-европейский Монте-Карло выглядит просто-напросто инфантильно и несолидно. Не может быть и речи о его сравнении с поставленной на индустриальную основу системой выворачивания карманов, существующей в Лас-Вегасе.

Миллионы американцев ежегодно пытаются здесь счастья в игре, из десяти миллионов приезжих каждый третий навещает Лас-Вегас несколько раз в год. Между Лос-Анджелесом и Лас-Вегасом круглый год функционирует воздушный мост: самолеты туда и обратно стартуют несколько раз в час, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю и 365 дней в году. Десятки и сотни самолетов прибывают сюда также из других городов Америки. Страсть к азартной игре эксплуатируется здесь самыми изощренными способами, с привлечением новейших приспособлений результатов социальной психологии, теории массового обслуживания и вычислительной техники. Стрип, эта главная улица Лас-Вегаса, является в сущности, не очень широким проездом, по обемм сторонам которого длинной вереницей идут отели. Каждый из этих отелей является игорным домом высшего класса. Здесь играют во все, что

дает возможность испытать трепетную страсть азарта,—в карты, кости, рулетку...

Но наиболее популярным и распространенным видом азартной игры являются игральные автоматы, в просторечии именуемые за свой выступающий из корпуса рычаг «однорукими бандитами». «Однорукие бандиты» лишают игрока последнего гроша. В холле крупнейшего в городе отеля «Хилтон» рядами смонтированы сотни игровых автоматов, и возле каждого почти всегда стоит игрок, вновь и вновь бросающий в железную утробу по доллару и снова и снова нажимающий на рычаг. Вот-вот выпадет счастье, вот-вот доллар превратится в сто или тысячу... На сцене выступают артисты, но игроку не до них: надо опустить доллар, нажать рычаг и следить за вращающимся, пестро разрисованным цилиндром. Полминуты напряжения—снова ничего. И так до тех пор, пока хватит запаса долларов.

Через игорные залы Лас-Вегаса ежегодно проходит сумма в пять миллиардов долларов—больше, чем вся военная и экономическая помощь США иностранным государствам. Игра ведется «честно»—игорные столы контролируются телекамерами, на должности крупье и банкметов подбираются кандидаты с безупречной репутацией, всякие шулерские махинации практически исключены,—и все же с железной непреклонностью девять игроков из десяти проигрывают, поскольку логика азартных игр неумолима. Никаких скандалов и трагедий в Лас-Вегасе не допускается—все идет чинно и благородно, а кто проиграет последний цент, всегда может рассчитывать на бесплатный авиабилет, предоставляемый владельцем игорного дома. Босс прекрасно знает, что неудачник наверняка придет снова, чтобы отыграться. И тогда, конечно, окупится этот с виду великодушный жест.

Ну, а у кого не выдержат нервы, тот оказывается в психиатрической клинике Лас-Вегаса, которая финансируется корпорацией владельцев игорных домов. Таких пациентов можно узнать сразу: они постоянно поднимают и опускают руку, как бы нажимая рычаг игрового автомата...

«ПАНОРАМА»,
ПОЛЬША

АЗБУКА ИЗ-ПОД ПАЛКИ

Англия — страна, где до сих пор школьников в узаконенном порядке подвергают телесным наказаниям. Порка розгами здесь не забытое поддержание традиции и не какая-либо символическая церемония, а весьма реальный атрибут школьных будней.

Хотя статистические данные, указывающие, какие размеры принимает в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии порка розгами, а в Шотландии плеткой, не публикуются, классные журналы, фиксирующие наказания (аккуратного учета которых требует закон), свидетельствуют, что избиениям в средних школах Великобритании подвергаются восемьдесят процентов учащихся.

В каждом из 120 учебных округов правила порки определяются местными властями. «Вкусы» различных преподавательских составов, однако, совпадают: в одном: обыкновенно употребляют гибкую палку длиной около семидесяти сантиметров или трость. Порка может совершаться в классной комнате или в присутствии всей школы. Максимум числа ударов не устанавливается, но, согласно общему мнению, «средней дозой» считаются шесть ударов.

В британской палате общин однажды уже провалился проект за-

кона, предусматривающей отмену системы телесных наказаний. Самое удивительное, что многие педагогические профсоюзы выступили также в защиту порки. По их мнению, «шесть ударов» — чрезвычайно действенный метод воспитания.

Недавно группа возмущенных родителей, не находя поддержки у английских властей, обратилась в европейскую комиссию по правам человека в Страсбурге. Родители потребовали вынести такое решение, которое квалифицировало бы телесные наказания школьников как нарушение прав человека.

«ИНТЕРНЭШНЛ
ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»,
США

Закат Монмартра

Парижская полиция сообщила, что вскоре намеревается очистить Монмартр, этот прославленный квартал художников, от мошенников и разных сомнительных элементов, считающих себя служителями искусства. Точнее говоря, предстоящая операция будет проведена на площади посреди квартала, именуемой Бутром.

По воскресным дням на Бутре толкуются несколько сот «художников», любыми путями старающихся сбыть доверчивым туристам откровенную мазю. Здесь, впрочем, можно найти и весьма неплохие картины, но опытный взгляд легко обнаруживает, что это офсетные копии, кое-где подмалеванные вручную для придания товару более натурального облика. На глазах покупателя художник делает несколько завершающих мазков, размашисто подписывается и торжественно вручает простаку «только что законченное» произведение.

Здесь постоянно бродит масса всякой подозрительной публики, и поэтому понятно стремление полиции к проведению «генеральной уборки» в этом живописно-богемном квартале. Отныне здесь будет разрешено выставлять для продажи картины только тем, кто имеет постоянное место жительства и может доказать, что занятия живо-

писью или скульптурой являются для него основной профессией.

Старожил Монмартра и хранитель его традиций, владелец картинной галереи Андре Руссар говорит: «Теперь здесь, на Бутре, не ищите художников. Здесь, где когда-то жили и работали такие корифеи, как Ренуар, Пикассо, Брак и Модильяни... Только два процента из здешних так называемых «деятели искусства» занимаются на Монмартре тем, что имеет к искусству некоторое отношение. Остальные же продают размалеванные фотографии, офсетные отписки, посредничают в покупке и перекупке чужих картин или же на глазах у нетребовательной публики малюют самую откровенную халтуру. За последние пятнадцать лет я не встретил на Бутре ни одного по-настоящему талантливого художника. Нет, Франция, конечно, вовсе не стала бедна талантами, но на Монмартре они больше не встречаются. Очарование Монмартра, воспетого тысячу раз, быстро угасает, и это ядро французской художественной культуры все больше теряет свое значение».

«100+1 ЗАГРАНИЧНИ
ЗАЙИМАВОСТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ТЕСТ ПРОВОДИТ... ЯСНОВИДЕЦ

Молодой японец, специалист по электронике, обратился с просьбой о приеме на работу в крупную токийскую фирму. В отделе кадров внимательно просмотрели его заявление и прилагаемые документы, однако прежде чем принять в штат служащих, молодого человека попросили еще зайти в комнату под номером 222. Там его принял пожилой лысый мужчина, на рабочем столе которого находились различные инструменты и мини-компьютер. Сначала он измерил череп кандидата, затем исследовал линии ладони, подпись... Полученные данные он ввел в компьютер и лишь после того, как был получен конечный результат, позвонил шефу отдела: «Все в порядке». Молодого японца приняли на работу. Как бы это ни казалось странным, но в комнате 222 сидел штатный ясно-

видец! В Японии в настоящее время около 200 000 организованных в профсоюз ясновидцев, к услугам которых прибегают крупные фирмы и концерны. Правда, современные ясновидцы не делают предсказаний по таинственным шарам и не гадают на кофейной гуще, — работают они «по-научному», используя знания графологии, психологии, дактилоскопии и для большего эффекта пользуясь мини-компьютерами.

Иные из них работают в роскошных канцеляриях с приемной, секретаршей и т. д. и не испытывают недостатка в клиентуре: еще и в семидесятых годах двадцатого века многие верят в такого рода оценки и предсказания.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

А КАК БЫ ПОСТУПИЛИ С ЭЙНШТЕЙНОМ?

Как известно, автор теории относительности Альберт Эйнштейн был человеком, склонным не только к зомбурю, но и к веселому озорству. На иных фотографиях, на-

пример, он выглядит отнюдь не так, как, вероятно, подобало бы профессору старой школы.

Именно такой «непротокольный» Эйнштейн воспроизведен на значке, выпущенном к 100-летию великого ученого на его родине в западногерманском городе Ульме. Выпущен значок Ульмским комитетом борьбы против запретов на профессию, и слова, которыми сопровождается снимок, заставляют не улыбнуться, а задуматься. «Мог бы я сегодня стать профессором?» — спрашивает Эйнштейн. Один раз его лишили возможности заниматься своей работой — после прихода нацистов к власти великий ученый вынужден был покинуть Германию.

«ЭЛАН», ФРГ

КНИГИ ОТ ЧЕРДАКА ДО ПОДВАЛА

Книг более десяти тысяч. Человеку, вошедшему в этот дом, находящийся на окраине английского города Манчестера, кажется, что они всюду. Принадлежит дом Эдмонду и Рут Фрей.

Познакомились Эдмонд и Рут в 1953 году. Поженившись, они уже имели вместе три тысячи книг. Когда супруги, страстно любящие книги, приобрели дом, то вполне естественно пришло решение создать библиотеку. И после этого... тут Рут разводит руками: «После этого библиотека начала расти подобно лавине».

Книги для библиотеки приобретаются не на деньги от наследства, а целиком из собственного кармана. Вся жизнь супругов — труд. Эдмонд, приехавший в Манчестер в поисках работы из своего родного села в Линкольншире, до выхода на пенсию был ремесленником. Рут работала заместителем директора в одной из манчестерских школ.

Часть библиотеки — новые издания, но другая ее часть (наиболее дорогая и самая ценная) — это книги, найденные в букинистических магазинах и в лавках бродячих книготорговцев, издания, отысканные иногда в отдаленных уголках Великобритании. «Сейчас нас уже хорошо знают, владельцы книжных магазинов даже обращаются к нам за советом» — этим особенно гордится Эдмонд.

Какова денежная стоимость библиотеки? Этим супруги мало интересуются, потому что для них она бесценна. Самое старое издание — «Речи Джона Уилкса» 1777 года, сочинения английского реформатора и публициста, известного своими эссе, содержащими резкие выпады против короля Георга III.

Ни Рут, ни Эдмонд не желают сохранять библиотеку только для самих себя. Нет смысла, говорят они, в книгах, которые не читаются. Поэтому их библиотека открыта для посетителей буквально в любой день года. Наиболее польщенными супруги почувствовали себя, когда к ним приехали несколько японских профессоров, чтобы найти — именно у них! — брошюру, озаглавленную «Фридрих Энгельс в Манчестере».

Они давно решили вопрос о будущем библиотеки. Пока один из супругов жив, он останется ее хранителем. А после их смерти? В 1969 году супруги Фрей основали объединение «Библиотека рабочего движения». Они надеются, что суммы, которые выделяют для этого объединения каждый год, дадут возможность библиотеке остаться в их доме и что найдется человек, который захочет продолжить их дело.

«ОБСЕРВЕР МАГАЗИН»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Рисунки Александра МОРЕВА

Рисунок Николая МАЛОВА

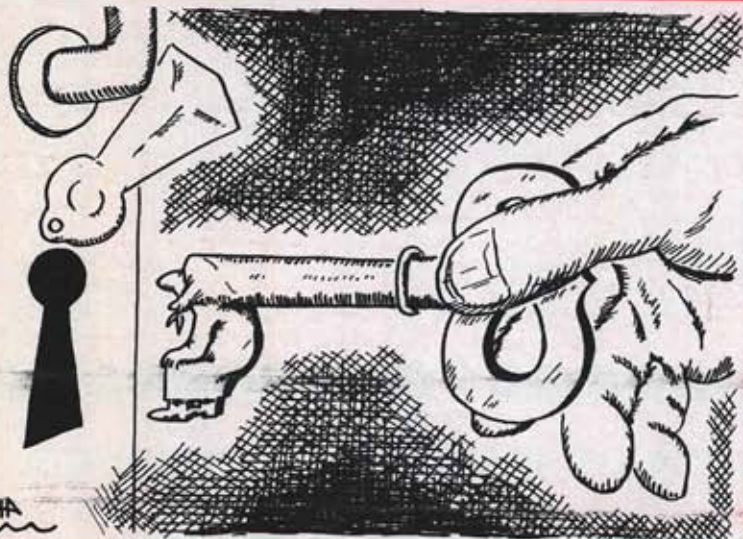
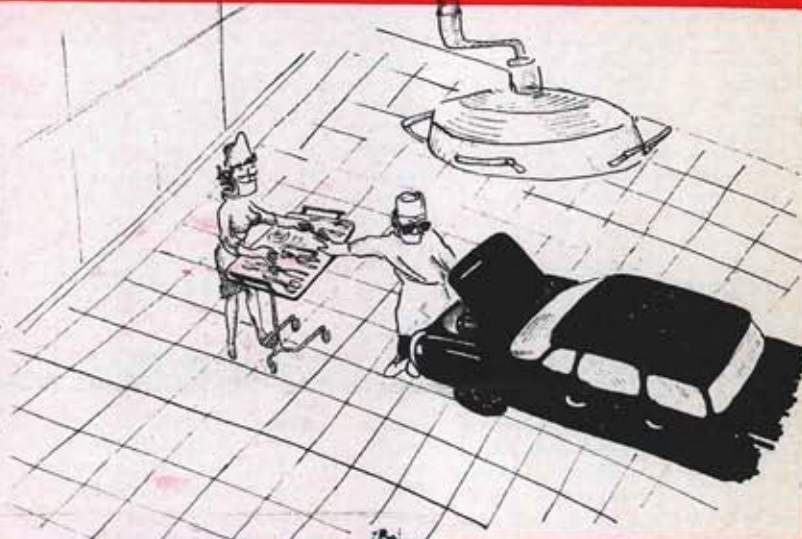

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

(Продолжение. Начало в №№ 11—14)

ПЯТЫЙ ТУР

I

Мат в три хода (2 очка).

Письма с ответами на задания пятого тура следует посылать нам не позднее 31 октября 1979 года.

Белые делают ничью (3 очка).

Решение каждой конкурсной позиции объясняется на отдельной открытке (без конверта), вариантами в сокращенной шахматной нотации, без всяких словесных примечаний. Убедительная просьба ко всем участникам нашего заочного соревнования разборчиво писать адреса редакции и отправителя, а также делать пометку «Шахматный конкурс «Смена-79», тур пятый» на лицевой стороне открытки.

КУБОК ЭЙВЕ ЗАВОЕВАН!

Новой убедительной победой на ответственном состязании за рубежом порадовал нас Анатолий Карпов. Выступая нынешним летом на матч-

турнире гроссмейстеров в Голландии, чемпион мира добился великолепного результата 5:1! Он намного опередил своих соперников и завоевал Кубок почетного президента международной шахматной федерации М. Эйве.

Отличным примером виртуозной техники игры чемпиона мира служит концовка его партии с видным чехословацким гроссмейстером Властимилом Гортм.

На диаграмме вы видите ладейный эндшпиль, возникший после 36-го хода черных. Расположение фигур, несомненно, лучше у белых, которыми играл Карпов. Однако на «поле боя» осталось крайне мало материала, отдаленную проходную пешку белым вроде бы не реализовать, и кажется, что практически шансов на успех нет. Тем удивительнее

выглядит искусное лавирование чемпиона мира, которое приводит его к победной цели.

37. h4—h5! g6—g5 38. Лa5—a6 g5:f4 39. e3:f4 Лb7—b3+ 40. Крf3—g2 Лb3—b7 41. Крg2—g3 Крf6—f7 42. Лa6—a4 Крf7—g7 43. g4—g5 Лb7—c7 44. Лa4—a5 Крf7—g8 45. Лa5—b5 Крg8—f7 46. Крg3—g4 a7—a6 47. Лb5—b8 Лc7—c1.

Надежды Горта непрерывными шахами ладьи с первой горизонтали добиться ничьей не сбываются.

48. g5—g6+! Крf7—g7 49. Лb8—b7+ Крg7—f8 50. Лb7—b6 Лc1—g1—51. Крg4—f3 Лg1—f1+ 52. Крf3—e4 Лf1—e1+ 53. Крe4—d4 Крf8—e7 54. Лb6:a6 Крe7—f6 55. Лa6—a7 e6—e5+ 56. f4:e5+ Лe1:e5 57. Лa7—a6+!, и черные перед лицом неизбежного поражения—57. ... Лe6 58. g7! или 57. ... Крf5 58. g7 Лe4+ 59. Крd5 Лg4 60. Лg6!—капитулировали.

ИГРАЮТ ЮНЫЕ

Любопытный миттельшпиль получился после 14-го хода черных во встрече личного первенства СССР 1979 года среди девушек в Риге. Белые фигуры были у победительни-

цы этого состязания 14-летней школьницы из Ленинграда Нины Ситниковой, черные—у киевлянки Елены Титовой, недавно завоевавшей титул чемпионки (взрослой!) Украины.

Перевес белых в мобилизации сил быстро сказывается благодаря активной, изобретательной игре юной ленинградки, которой опытные тренеры прочат большое шахматное будущее. Взаимодействие слонового дуэта с тяжелыми фигурами и красивая жертва слона приводят к заслуженной победе.

15. Ce2—d3! Cf6:g5 16. Cf4:g5 Fd8—d7 17. Le1—e7 Fd7—g4 18. Cg5—h6! Lf8—f7 19. Le7—e8+ Lf7—f8 20. Cd3:h7+ Крg8:h7 21. Le8:f8 g7:h6 22. La1—e1 Fg4—g5 23. Fd2:g5 h6:g5 24. Le1—e8!, и черные «опустили занавес».

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.07.79. Подписано к печати 17.07.79. А 01089. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1807. Заказ № 909. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НЕТОРОПЛИВО.

РУССКИЕ БЕРЕЗЫ

Песня-лауреат международного конкурса
«ЗОЛОТОЙ ОРФЕЙ-78»

Стихи Толгата НИГМАТУЛЛИНА.
Музыка Евгения ШИРЯЕВА.

Омытые дождем весенним,
Меня укрыли легкой тенью—
Березы, русские березы,
Вы на судьбу мою похожи.

Припев:
Я верю в вашу тишину,
Вот подойду и обниму
За вашу память и мою,
За то, что здесь сейчас стою.

И вашей памятью согретый,
Я знаю, помните вы это,
Березы, русские березы,
Вы на судьбу мою похожи.

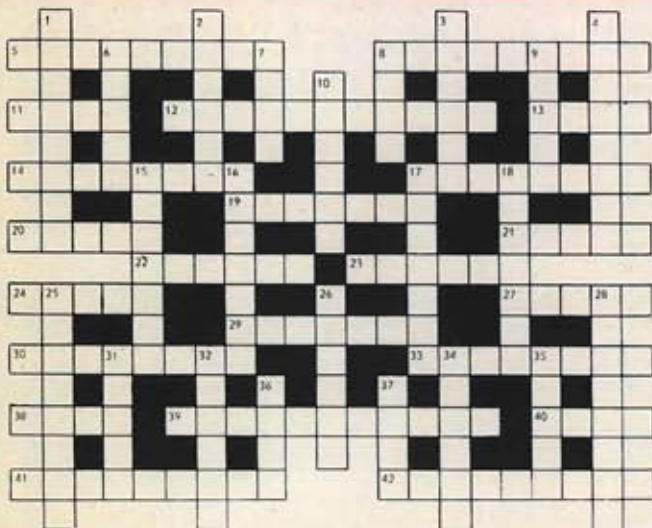
Припев.

Речитатив:
Как будто вчера здесь гремели бои,
В березовой роще солдаты легли,
И вечную память о них сохранив,
Березы расправили ветви свои.

Припев.

КРОССВОРД

Составил Ю. Черная, г. Пионерск,
Калининградской обл.

По горизонтали:

5. Заграждение, возводимое во время уличных боев. 8. Один из проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря. 11. Спортивный снаряд. 12. Учение о научных принципах, приемах исследования. 13. Танцевальная музыка. 14. Певица, народная артистка СССР. 17. Сходство, соответствие. 19. Город в Каракалпакии. 20. Римский историк. 21. Высокогорная страна в Средней Азии. 22. Действующее лицо трагедии В. Шекспира «Гамлет». 23. Многогранник. 24. Приток Северского Донца. 27. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей Петербурга. 29. Песня А. Пахмутовой. 30. Поэма С. Рахманинова для оркестра и хора. 33. Горный хребет на юго-западе Алтая. 38. Полярная морская утка. 39. Роман Л. Толстого. 40. Ансамбль музыкантов-исполнителей. 41. Народная артистка СССР, выступающая на сцене

Малого театра. 42. Советский гимнаст, чемпион XXI Олимпийских игр.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

5. Гайдар. 8. Ошанин. 9. Конструктор. 11. Кассиль. 13. Лядов. 14. «Морозко». 18. Макаренко. 21. Смеляков. 23. Святогор. 24. Андерсен. 25. Аленушка. 27. Микроскоп. 32. Джейран. 33. Базар. 35. «Телефон». 36. Учительница. 37. Ландыш. 38. Тренев.

По вертикали:

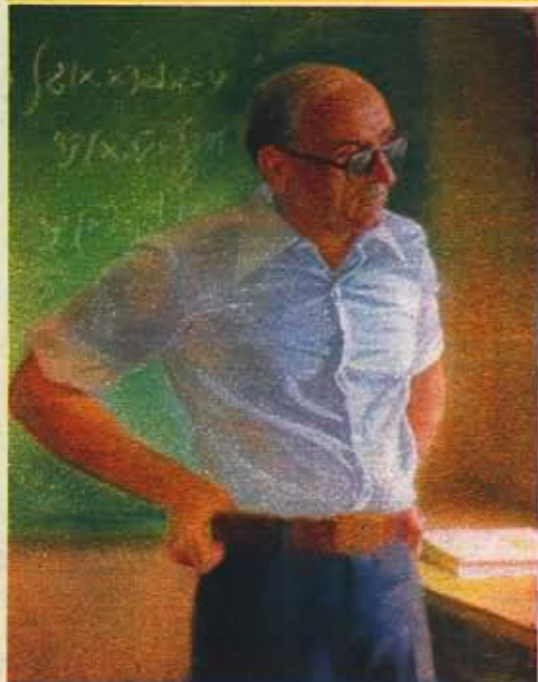
1. Циркуль. 2. Сморочок. 3. Маршак. 4. Бланки. 6. «Осел». 7. Яков. 10. Родари. 12. Сухолинский. 15. Орджоникидзе. 16. Маяковский. 17. Октябрьнок. 19. Оливер. 20. Корбут. 22. Верн. 23. «Саша». 26. Вокзал. 28. Джеббар. 29. Чарушин. 30. Негатив. 31. «Костер». 33. Бита. 34. Рене.

перо и кисть, подвластные руке

АКТРИСА С. НЕМОЛЯЕВА.

ПРОФЕССОР А. С. ЛУКЬЯНОВ.

В МАНЕЖЕ

Мирон Лукьянов — художник со счастливой судьбой. И дело тут не в славе или в кажущейся легкости достижения целей. Просто Лукьянов обладает на редкость удачным сочетанием творческих сил и возможностей для их воплощения.

Еще в детстве Мирон решил, что станет художником. После восьмого класса пошел в среднюю художественную школу, а высшее образование получил в Государственном художественном институте имени В. И. Сурикова. В школе Мирон Лукьянов увлекся плакатом, поэтому поступил на графический факультет в мастерскую М. М. Черемных. Большой мастер плаката, основатель окон РОСТА, человек интересной судьбы — Черемных многому научил молодого художника.

Когда Лукьянов был студентом, его работы уже экспонировались на многих выставках в нашей стране и за рубежом. Он неоднократно участник международного Биеннале плаката в Варшаве.

Богатства композиционных решений, цветовых гамм, образного строя, делающих плакаты Лукьянова столь запоминающимися, вероятно, было бы трудно достигнуть без накопления жизненных впечатлений, совершенствования художественного мастерства. Этому в немалой степени способствовали занятия другими видами изобразительного искусства. Художник пишет портреты, натюрморты, делает зарисовки. И хотя большая часть сил и времени уходит на создание плакатов, художник

не считает, что работы станкового характера второстепенные, вспомогательные. Они существуют в его творчестве параллельно и равноправно.

Лукьянов любит писать портреты. И умеет. Но только тех людей, которых давно и хорошо знает. Потому что здесь задача художника как можно точнее и глубже раскрыть характер человека, с которым так или иначе связана его жизнь. Среди этих произведений портреты брата, дочери, актрисы Немольевой... «Красавица» — портрет художницы, с которой Лукьянов учился в институте. Эта женщина, по словам автора картины, красива не только внешне, но и редкостными свойствами души. Действительно, вглядываясь в созданный художником образ, открываешь для себя не только чудесные черты этой необычной женщины, но и ощущаешь красоту ее внутреннего мира.

Натюрморты Лукьянова неброски, строги. В них художник передает настроение через тонкий рисунок, размытую гамму цветов. Создавая их, он как бы на время освобождается от необходимости говорить определенно и конкретно, как, например, в плакатах. И если вспомнить графическую четкость, точность и доступность образного выражения идеи в его плакатах, то поражает разносторонность мастерства художника, его умение органично и естественно проявляться в различных жанрах.

Наталья БОРОДИНА

ЦВЕТЫ НА СТЕНЕ.

КАТЯ.

